

ЭВОЛЮЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ ЗА ПОЛВЕКА: ОПТИКА УСЛОВНЫХ И РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ *

ТОМАС ФРЕЙКА, СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

Современный этап эволюции рождаемости в России характеризуется трансформацией традиционной модели деторождения в сторону модели, при которой рождение детей происходит в более позднем возрасте. В центре внимания в данной статье находится процесс откладывания деторождений с последующей их реализацией в старших возрастах у поколений россиян, родившихся после 1960 г. Используются новые методологические подходы для анализа изменений в уровне и возрастном профиле рождаемости, в том числе по очередности рождения, у женщин условных и реальных поколений. Акцент делается на выявлении сдвигов в показателях рождаемости для реальных поколений.

Перемены в демографическом поведении россиян переплелись с фундаментальными изменениями в жизни молодежи, происходившими с конца 1980-х годов, которые расширили индивидуальное пространство принимаемых решений во всех сферах жизнедеятельности. Последние три десятилетия были также отмечены особенно низкой рождаемостью в России и попытками государства ее повысить в начале 1980-х и в конце 2000-х годов. Семейно-демографическая политика 1980-х годов не привела к росту рождаемости. Вслед за конъюнктурным всплеском показателей рождаемости для календарных лет (условных поколений) в 1980-е годы не последовало увеличения показателей итоговой рождаемости реальных поколений. Предварительный анализ показал, что результат политики, стартовавшей в 2007 г., может оказаться таким же. Будут ли усилия государства, предпринятые в первые десятилетия XX века, достаточно эффективными, чтобы преодолеть влияние фундаментальных сил социальной и экономической природы, действующих угнетающе на деторождение? Если смотреть на перспективу с позиций 2014 г., то достаточной уверенности в этом у авторов нет.

Ключевые слова: *Рождаемость, условные поколения, реальные поколения, накопленная рождаемость, суммарная рождаемость, возрастной профиль рождаемости, очередность рождения, календарь рождений, откладывание рождений, семейная политика, пронаталистская политика.*

ТОМАС ФРЕЙКА. НЕЗАВИСИМЫЙ КОНСУЛЬТАНТ-ДЕМОГРАФ, США.

ЗАХАРОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ. ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ. E-MAIL: szakharov@hse.ru.

Статья поступила в редакцию в ФЕВРАЛЕ 2014 Г.

* В ОСНОВУ СТАТЬИ ПОЛОЖЕН РАБОЧИЙ ДОКЛАД АВТОРОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 2012 Г. ДЛЯ ИНСТИТУТА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ М. ПЛАНКА (Г. РОСТОК, ГЕРМАНИЯ). СМ.: [FREJKA, ZAKHAROV 2012]. ДЛЯ ДАННОЙ ПУБЛИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ БЫЛ АВТОРАМИ СУЩЕСТВЕННО ОБНОВЛЕН И ДОПОЛНЕН. КРОМЕ ТОГО, САМ ТЕКСТ ДОКЛАДА ВО МНОГИХ МЕСТАХ БЫЛ СУЩЕСТВЕННО ПЕРЕРАБОТАН, ТАК ЧТО НЫНЕШНЯЯ РАБОТА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОРИГИНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ, А НЕ АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА УКАЗАННОГО ВЫШЕ ДОКЛАДА. В СТАТЬЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВЫПОЛНЯВШИХСЯ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ В 2013-2014 ГОДАХ.

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются новейшие тенденции рождаемости в России на фоне долговременных трендов за последние полвека. Особый интерес результатам анализа придает сам рассматриваемый исторический период, в течение которого происходили фундаментальные изменения в характере российской общественно-политической и экономической системы - переход от государственного социализма к современному

капитализму. В рамках этого же периода государство осуществило две волны основательных пронаталистских мер: первая – в течение 1980-х годов, т.е. в последнем десятилетии существования социализма, а вторая – после 2006 г., когда усилились консервативные черты внутренней политики постсоветского российского государства.

Первый набор политических мер повлиял на общую величину коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений (КСР¹), возросшую на 20% между 1980 и 1987 годами - с 1,86 до 2,23 в расчете на одну женщину. За этим последовало значительное снижение этого показателя – до 1,16 в 1999 г. (рисунок 1). Рост КСР в течение 1980-х был вызван прежде всего переносом рождений у целого ряда поколений на более ранние сроки (на более ранний возраст и с укороченными интервалами между рожденьями). Итоговая рождаемость реальных поколений (женских когорт по году рождения) оставалась стабильной на уровне 1,85 для женщин, родившихся в 1950-е годы, и значительно уменьшилась в когортах 1960-х годов рождения. Снижение рождаемости в конце 1980-х и в 1990-х годах совпадает с начавшимся в 1990-х годах процессом откладывания деторождения.

Второй набор политических мер привел к тому, что КСР возрос на 30% между 2006 и 2012 годами – с 1,30 до 1,69 рождения на женщину. Аналитические инструменты пока не позволяют однозначно судить о вкладе сдвигов в календаре рождений в увеличение интегрального показателя для условных поколений, хотя резонно допустить, что этот вклад был весьма существенным. Предварительные оценки показывают, что итоговая рождаемость реальных поколений (ПКСР) вероятно стабилизировалась на уровне 1,6 рождения на одну женщину для когорт 1970-х и, возможно, также и для когорт 1980-х годов рождения. Это означает, что рост КСР, происходивший в последние 5 лет, по большей части, а возможно и полностью, был результатом ускорения темпов формирования семей и рождения детей с укороченными интервалами под воздействием политики стимулирования, а не увеличения окончательно размера потомства в семьях или итогового числа рожденных детей в расчете на одну представительницу реальных поколений. К тому же эффект первых мер политики, введенных в действие в 2006-2007-х годах, год от года быстро слабел. Так, в 2007 г. КСР возрос на 0,11 рождения на одну женщину, что означает годовой прирост 8,5%. Увеличение КСР между 2010 и 2011 годами составило 0,016 рождения на одну женщину или 1%.

¹ Соответствует английскому TFR – Total Fertility Rate. В современной англоязычной литературе, посвященной анализу рождаемости, к нему иногда добавляют букву P, чтобы указать, что он относится к показателю для определенного периода – PTFR, Period Total Fertility Rate, в отличие от другого показателя, относящегося к реальным женским поколениям, или когортам (CTFR, Cohort Total Fertility Rate). Устоявшихся русских аналогов названным английским терминам нет, в настоящей статье привычный КСР для условного поколения соответствует английскому PTFR, тогда как аббревиатура ПКСР (поколенческий КСР) соответствует английскому CTFR.

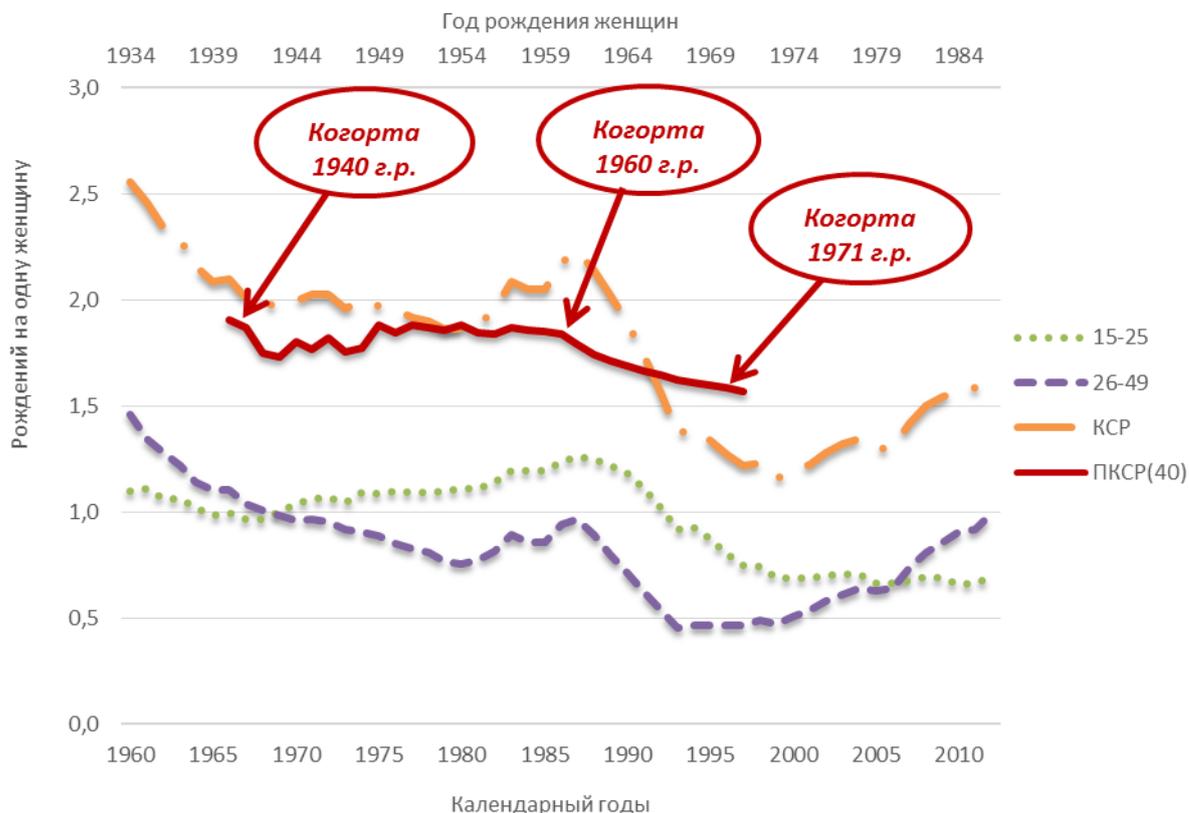

Рисунок 1. Поколенческий коэффициент суммарной рождаемости в возрасте 40 лет - ПКСР (40) для женских когорт, родившихся в 1940-1971 гг., с лагом в 26 лет, коэффициент суммарной рождаемости для условных поколений к возрасту 50 лет (КСР) и накопленные коэффициенты рождаемости для возрастных интервалов 15-25 и 26-49 лет для тех же условных поколений, 1960-2012 гг.

В 2012 г. произошел новый значительный подскок КСР. По сравнению с 2011 г. абсолютное значение показателя увеличилось на 0,11 рождения в расчете на одну женщину (т.е. на ту же величину, что и в 2007 г.) или на 6,8%. Едва ли возможно связать это с расширением мер политики федерального уровня, принятых в мае 2012 г. с целью материальной поддержки третьего ребенка в семье, родившегося после 31 декабря 2012 г.² В то же время, некоторые дополнительные региональные программы (в частности, «региональный материнский капитал», бесплатное выделение земельных участков многодетным семьям в сельской местности) начали действовать на отдельных территориях с начала 2012 г., что могло оказать некоторое стимулирующее влияние на рождаемость в первый же год введения данной меры. Однако не следует переоценивать значение наращивания финансовых интервенций государства. Как показывают предварительные оценки, в 2013 г. прирост КСР был скромным – 1%. Учитывая столь неустойчивые годовые изменения конъюнктурных показателей интенсивности деторождения, опрометчиво

² Соответствующий Указ Президента был подписан 7 мая 2012 г. В соответствии с этим решением должно осуществляться софинансирование из федерального бюджета региональных расходов на выплату пособий в размере прожиточного минимума на третьего ребенка в семье, родившегося после 31 декабря 2012 г. См.: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610890>

надеяться исключительно на восходящий тренд уровня рождаемости в реальных поколениях. Сегодняшнее ускоренное формирование семей может обернуться завтра компенсационным спадом, выравнивающим временный перекося в календаре появления на свет желаемых детей, среднее число которых в расчете на одну представительницу поколения меняется слабо.

Российская специфика процесса откладывания рождений с последующим компенсаторным наверстыванием уровня рождаемости и стала главным предметом анализа в данной статье. Предыдущие исследования, посвященные углубленному демографическому анализу тенденций рождаемости в России в послевоенный период [Avdeev, Monnier 1995; Barkalov 1997, 1999, 2005; Scherbov, van Vianen 1999a, 1999b, 1999c; Авдеев 2003/2011; Захаров и др. 2006], не затрагивали ее главным образом потому, что сам феномен трансформации возрастного профиля рождаемости в сторону постарения сформировался по существу лишь полтора десятилетия назад. В то же время заметим, что неизбежность изменений в рождаемости в данном направлении предсказывалась в работах второй половины 1990-х годов [Zakharov 1997; 2000], в которых речь шла о последствиях для российской модели рождаемости социальных перемен, произошедших на рубеже 1980-х и 1990-х годов.

Изменение возрастной модели рождаемости началось в поколениях россиян, родившихся в середине 1960-х годов, отчетливо проявило себя в течение 1990-х и, согласно последним доступным данным, все еще продолжается в поколениях, родившихся в первой половине 1980-х годов.

В фокусе нашей работы лежит анализ трендов рождаемости, однако они интригующим образом переплетены с изменениями практически всех аспектов жизни молодежи, в том числе и ее демографического поведения. Характерная для России унаследованная от прошлого модель раннего брака в последние два десятилетия подверглась быстрым изменениям. Раннее формирование семей «не отвечало требованиям современного общества, ценности которого включают хорошее образование, профессиональную квалификацию и высокие стандарты потребления» [Zakharov 2008: 920]. Возраст первого брака увеличивался, и при этом быстро распространялись другие формы совместной жизни (сожительства) [Захаров 2006а]. В этот же период в России происходила контрацептивная революция, замена традиционных методов регулирования деторождения на современные, более эффективные, в результате чего быстро снижалось число абортов и одновременно уменьшалось число нежелательных рождений [Захаров, 2006б; Троицкая, Андерссон 2007/2011; Захаров, Сакевич 2007]. В результате возможности женщин управлять своей судьбой расширились, что также подтверждается и изменениями в сексуальном поведении: более раннее начало сексуальной жизни уже не требует, как прежде, нормативной легитимации в форме регистрации брака.

Заметим, что к этому времени существенно вырос уровень образования молодежи. Например, доля женщин с высшим образованием в возрасте старше 25 лет выросла с 21% в поколениях 1955-1964 годов рождения до 33% в поколениях, родившихся в 1975-1979 гг. [Захаров 2006а: 291-293]. Эти и другие изменения также не могли не сказаться на трендах рождаемости.

1. ДАННЫЕ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Данные

Анализ основан на статистических данных о рождаемости для условных поколений (для календарных лет) и реальных поколений (по году рождения женщин) в Российской Федерации, содержащихся в международной Базе данных 'Human Fertility Database'/HFD, которую поддерживает Институт демографических исследований им. Макса Планка в Германии. К апрелю 2014 г. в этой Базе имелись характеристики российской рождаемости для условных поколений по одногодичным интервалам женских возрастов и очередности рождений за период с 1959 по 2009 г. Возрастные показатели рождаемости по очередности рождений для реальных поколений, которые могли быть использованы в анализе, относились к когортам матерей, начиная с 1940 года рождения. Женская когорта 1958 года - последняя, для которой возрастные коэффициенты рождаемости имеются в HFD для всего интервала репродуктивных возрастов с 15 до 50 лет. Однако в нашем анализе мы использовали имеющиеся в HFD неполные данные о фактической рождаемости для более молодых поколений вплоть до когорты 1985 года рождения. Кроме того, в наши расчеты были включены сопоставимые оценки за 2010-2012 гг., выполненные в Институте демографии НИУ ВШЭ на основе официальной информации Росстата, что позволило с минимальным нарушением сопоставимости продлить на 3 года динамические ряды данных, доступных в HFD.

Методы анализа

Большинство использованных нами методов демографического анализа были разработаны и описаны в работе четырех авторов «Откладывание и компенсационный рост рождаемости в реальных поколениях: новые аналитические и прогностические инструменты и их применение» [Sobotka, Zeman, Lesthaeghe, Frejka 2011]. В принципе, речь идет о всестороннем сравнительном анализе возрастных и кумулятивных коэффициентов рождаемости для реальных поколений в разрезе однолетних возрастных групп и очередности рождения у матери. В анализе нашел также применение метод, развитый Фрейка [Frejka 2011], исследовавшим вопрос, в какой степени откладывание и последующее наверстывание рождаемости отражаются на трендах КСР для условных поколений последних десятилетий в странах с низкой рождаемостью.

В дополнение к таким традиционным измерителям, как коэффициенты рождаемости для реальных и условных поколений, были использованы некоторые показатели, разработанные совсем недавно. Эти новые индикаторы, измеряющие специфические аспекты отсрочки и наверстывания деторождения, проиллюстрированы на диаграмме. Откладывание и последующее наверстывание оценивается с помощью рассчитанных кумулятивных возрастных коэффициентов рождаемости для некоторой интересующей нас когорты c , которые сравниваются с одной из старших когорт, принятой за базу для сравнения, - референтной когортой b . Обычно отсрочка деторождения измеряется абсолютным или относительным уменьшением кумулятивной величины рождаемости в молодых возрастах по сравнению с референтной когортой за весь возрастной интервал, в котором происходило снижение, а последующее наверстывание деторождения измеряется

кумулятивной величиной абсолютного и относительного увеличения интенсивности рождений в старших возрастах, когда рождаемость в этих возрастах находится в фазе роста относительно той же референтной когорты. Схематическая иллюстрация данного подхода к измерению эффектов откладывания и последующей реализации отложенных рождений для некоторых когорт b и c представлена на диаграмме.

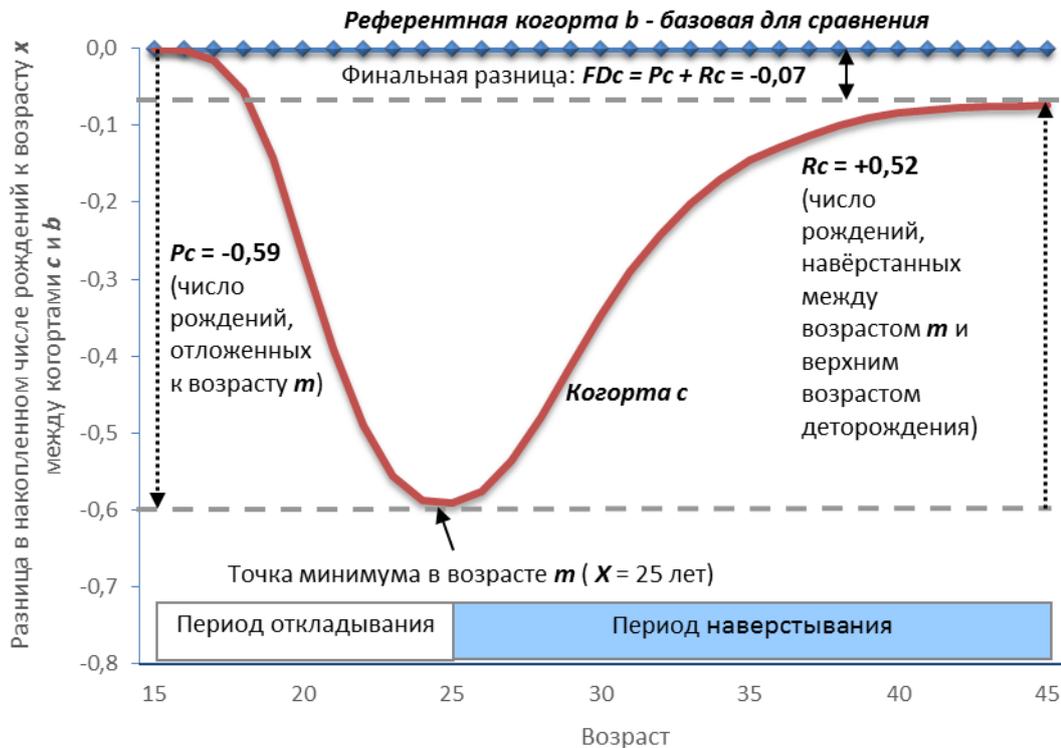

Диаграмма. Упрощенная схема оценки эффектов откладывания рождений и последующего наверстывания их числа для реального поколения c . Отклонения накопленного числа рождений на одну женщину к указанному возрасту в поколении c от соответствующего числа в референтной когорте b

Источник: [Sobotka, Zeman, Lesthaeghe, Frejka 2011].

Новыми измерителями рождаемости являются:

- абсолютная кумулятивная величина снижения рождаемости за период откладывания в молодом возрасте, т.е. абсолютная величина ее временных потерь для реального поколения, достигнутая в самой нижней точке (в максимальном возрасте, вплоть до которого снижалась рождаемость в исследуемой когорте c по сравнению с референтной когортой b ; в нашем условном примере этот возраст равен 25 годам): P_c (= -0,59 рождения на одну женщину в нашем примере, отраженном на диаграмме);
- абсолютная кумулятивная величина наверстывания рождаемости для рассматриваемого реального поколения за период компенсационного роста между возрастом, к которому был достигнут максимум падения рождаемости в данном поколении (в нашем примере - к 25 годам), и возрастом завершения репродуктивной

деятельности (обычно для женщин принимается равным 50 годам): R_c ($= +0,52$ рождения на одну женщину, см. пример на диаграмме);

- индекс компенсации $RI_c = R_c/(-P_c)$ - в нашем условном примере $RI_c = 0,52/0,59 = 0,88$, означающий, что для рассматриваемого поколения 88% рождаемости, отложенной в молодых возрастах, было в итоге компенсировано рождаемостью в старших возрастах;
- долговременное снижение итоговой величины рождаемости для когорты c , $FD_c = P_c + R_c$, т.е. абсолютная разница между уменьшением рождаемости в молодых возрастах и ее увеличением в старших возрастах ($-0,07 = -0,59 + 0,52$).

В рамках исследования мы предположили, что любое снижение рождаемости в молодых возрастах есть откладывание деторождения и, аналогично, повышение рождаемости в старших возрастах – наверстывание деторождения. «Молодыми женщинами» считались женщины в возрасте от 15 до 25 лет, а «старшими женщинами» - в возрастах от 26 до 50 лет. Такое деление было принято, потому что средний возраст деторождения в российских поколениях 1944-1958 годов рождения колебался вокруг 26 лет.

2. ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ И ВОЗРАСТНОГО ПРОФИЛЯ РОЖДАЕМОСТИ

Коэффициент суммарной рождаемости для условных поколений (для календарных лет)

Основные тенденции в обобщенном виде представлены на рисунке 1. КСР снижался в 1960-е годы, находился в стадии стабилизации с конца 1960-х и до начала 1980-х годов, в течение большей части 1980-х годов увеличивался под воздействием пронаталистских мер государственной политики³, затем испытал крутое падение с конца 1980-х до середины 1990-х годов, что обычно ассоциируется с турбулентностью политического, социального и экономического развития. Снижение КСР в 1990-е годы отчасти было сгенерировано постепенным вхождением российского общества в процесс замедления темпов формирования семей и откладывания деторождения. Так, умеренное снижение КСР в 1993-1999 гг. с очевидностью свидетельствует о наступлении фазы переноса рождений на все более поздний возраст с каждым новым поколением, начинавшим формирование своих семей. Рост КСР в 1999-2004 гг. базировался на компенсационном росте интенсивности деторождения у женщин в возрастах старше 25 лет. Показатель существенно возрос в 2006-2012 гг., что было вызвано введением в действие стимулирующих пронаталистских мер в 2007 г. (рисунок 1).

³ Семейная политика, активизировавшаяся в начале 1980-х годов, включала такие дополнительные меры, как увеличение отпуска по беременности и родам, введение отпусков по уходу за ребенком с сохранением рабочего места, расширение возможности родителям с маленькими детьми работать в режиме неполной занятости, предоставление права на дополнительные выходные дни и отпуска, предоставление матерям с тремя и более детьми («многодетным матерям») льгот в области приобретения продуктов питания, промышленных товаров, преимуществ в улучшении жилищных условий.

Итоговая рождаемость для реальных поколений (к возрасту 40 лет)⁴ и тенденции рождаемости у женщин молодого и старшего возраста

Итоговая величина рождаемости реальных поколений женщин (в отличие от КСР для календарных периодов будем называть этот показатель ПКСР – поколенческий коэффициент суммарной рождаемости), родившихся в России между 1940 и 1960 г. оставалась относительно стабильной, колеблясь в диапазоне 1,8-1,9 (рисунки 1 и 2). В противоположность интегральному показателю для условных поколений (КСР), показавшему рост в 1980-х годах, ПКСР для реальных когорт 1950-х годов рождения не продемонстрировал никакого роста, который мог бы быть ассоциирован с пронаталистскими мерами политики, введенными в действие в первой половине 1980-х годов. Политика тех лет вызвала сильные календарные сдвиги в рождении детей, но не рост итоговых результатов деторождения, как свидетельствует когортный показатель суммарной (накопленной) рождаемости к возрасту 40 лет, ПКСР(40). Существенное омоложение рождаемости наблюдалось для поколений, родившихся в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов. Накопленные коэффициенты рождаемости (НКР) в возрасте 15-25 лет возросли для поколений конца 1950-х годов рождения и оставалась относительно высокими для когорт начала 1960-х годов. Для тех же поколений интенсивность деторождения в старших возрастах (26-40 лет) продемонстрировала падение (рисунок 2).

Возрастная модель рождаемости реальных поколений

Отсрочка деторождений в России началась среди женских когорт середины 1960-х годов рождения. Начиная с этих поколений, рождаемость в молодых возрастах снижалась безостановочно. Если для поколений первой половины 1960-х годов рождения НКР для возрастного интервала 15-25 лет составлял 1,17 рождения на одну женщину, то для когорт первой половины 1980-х годов рождения (последние имеющиеся данные относятся к когорте 1986 года рождения) этот показатель снизился до 0,70 (рисунок 2).

Между когортами 1960 и 1972 годов рождения ПКСР(40) снизился с 1,84 до 1,54 рождения на одну женщину. Снижение ПКСР для когорт, родившихся в 1960-е годы, логично ассоциировать с политическими, социальными и экономическими событиями конца 1980-х и 1990-х годов. Эти события инициировали взаимосвязанный процесс откладывания деторождения в реальных поколениях с последующим компенсационным ростом в старших возрастах, впоследствии он интенсифицировался в когортах, родившихся в 1970-е и 1980-е годы (рисунки 3 и 4).

⁴ Использование накопленных показателей рождаемости для реальных поколений к возрасту 40 лет обеспечивает возможность анализировать более длинные временные ряды, чем использование показателей за весь репродуктивный период с 15 до 50 лет, и это практически не сказывается на результатах анализа. В силу низкой рождаемости в возрастах старше 40 лет суммы возрастных коэффициентов рождаемости от 15 до 40 и от 15 до 50 лет для реальных поколений – ПКСР(40) и ПКСР(50) – различаются незначительно. Так, вклад в итоговую рождаемость россиянок поколений 1940-1958 гг., после того, как они достигали 40 лет, составлял от 0,4 до 0,8%. В будущем поздние рождения могут играть более значительную роль, поскольку известно, что во всех странах процесс откладывания деторождения приводит к умеренному росту рождаемости сорокалетних женщин [Sobotka, Kohler, Billari 2007].

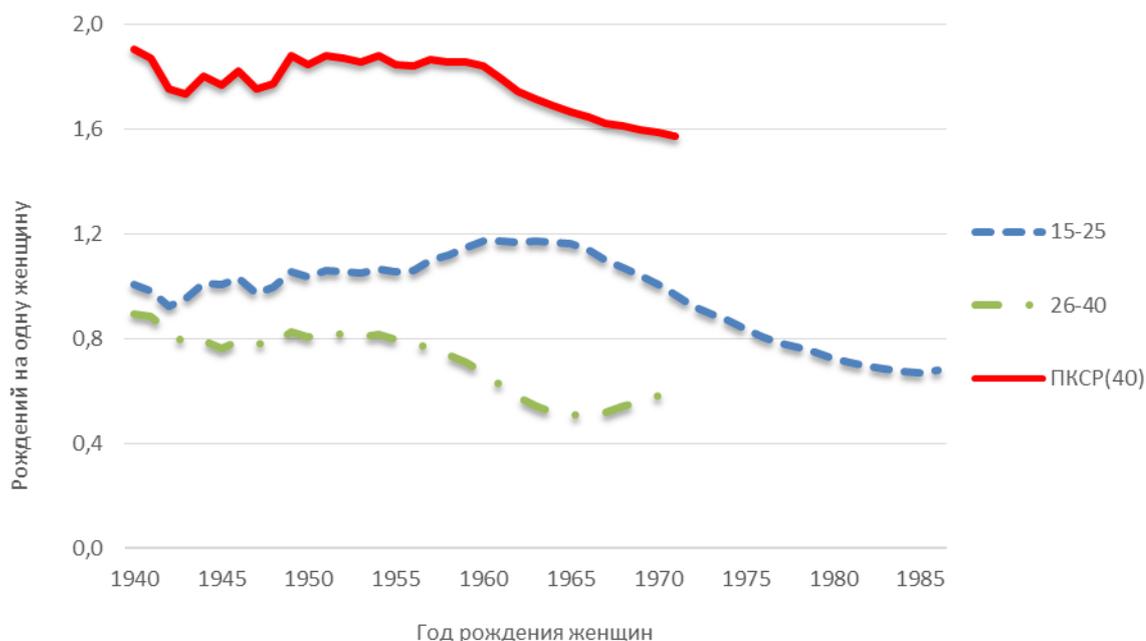

Рисунок 2. Суммарная рождаемость для возрастных интервалов 15-25 и 26-40 лет, поколенческий коэффициент суммарной рождаемости в возрасте 40 лет - ПКСП (40) для женских когорт, родившихся в 1940-1971 гг.

Возрастная модель рождаемости оставалась достаточно стабильной в женских поколениях 1940-х и первой половины 1950-х годов рождения. Средний возраст материнства у этих поколений находился в районе 26 лет, и около 55% всей итоговой рождаемости поколений обеспечивали матери моложе 26 лет. Семейная политика 1980-х годов вызвала значительное омоложение возрастной функции деторождения. Средний возраст матерей, родивших детей к возрасту 41 год, уменьшился между поколениями женщин, родившихся в 1950-х и начале 1960-х годов, и достиг 24,6 года в когорте 1965 года рождения. Доля рождений у матерей в возрасте моложе 26 увеличилась до 70 в когорте 1965 года рождения. Среди женщин, появившихся на свет в середине 1960-х годов и позднее, омоложение рождаемости сменилось на прямо противоположную тенденцию: средний возраст материнства начал увеличиваться, а вклад молодых матерей в возрастах до 26 лет - уменьшаться. Специфику этих процессов можно наблюдать в изменении возрастных параметров когортной рождаемости для всех рождений и отдельно для каждой очередности у матери (рисунки 3 и 4), а также при сравнении изменений кумулятивных коэффициентов рождаемости в разрезе возраста, когорты и очередности рождения (рисунки 5 и 6).

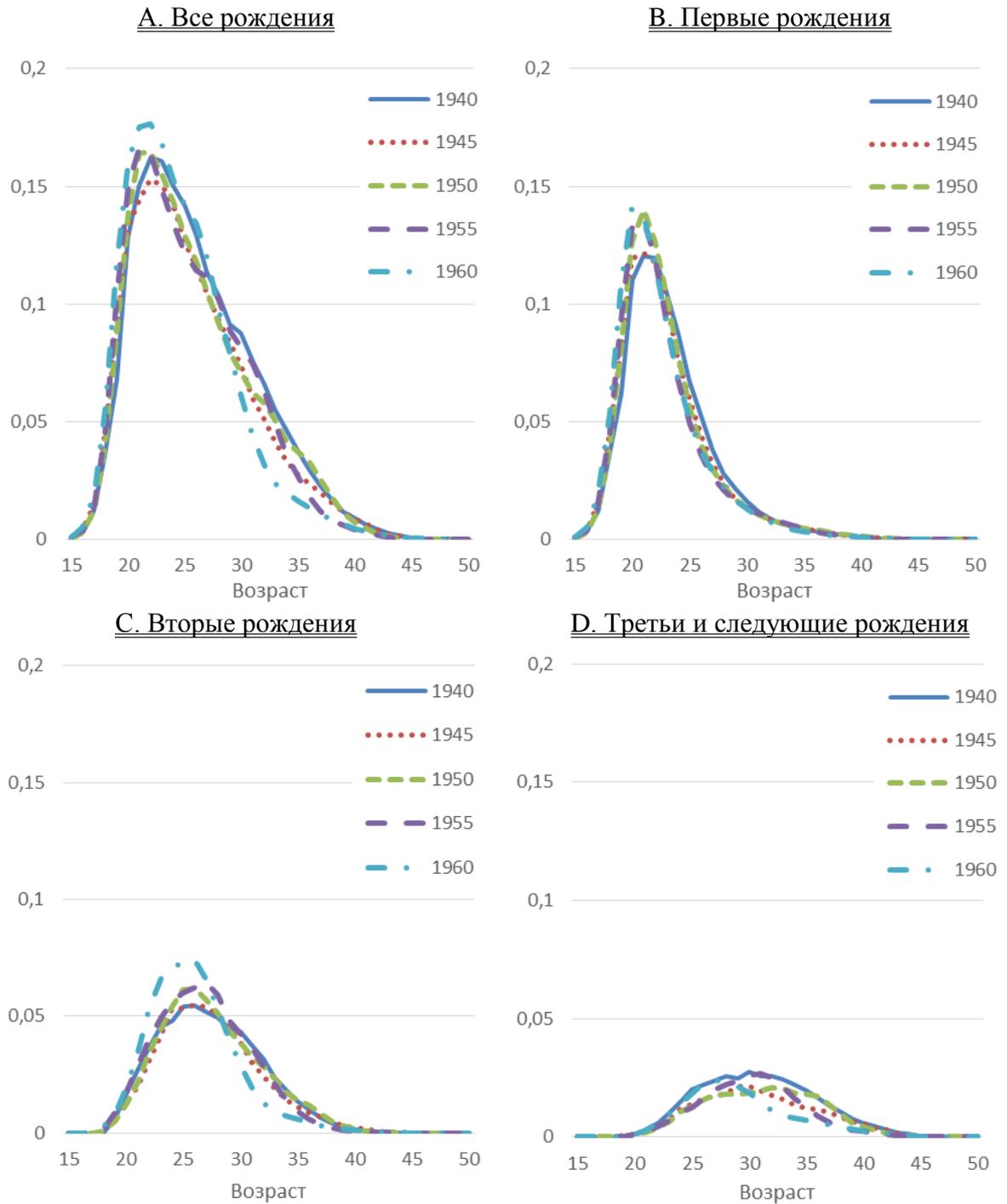

Рисунок 3. Возрастные коэффициенты рождаемости по очередности рождения у матери, поколения женщин 1940, 1945 1950, 1955 и 1960 годов рождения, число рождений на одну женщину

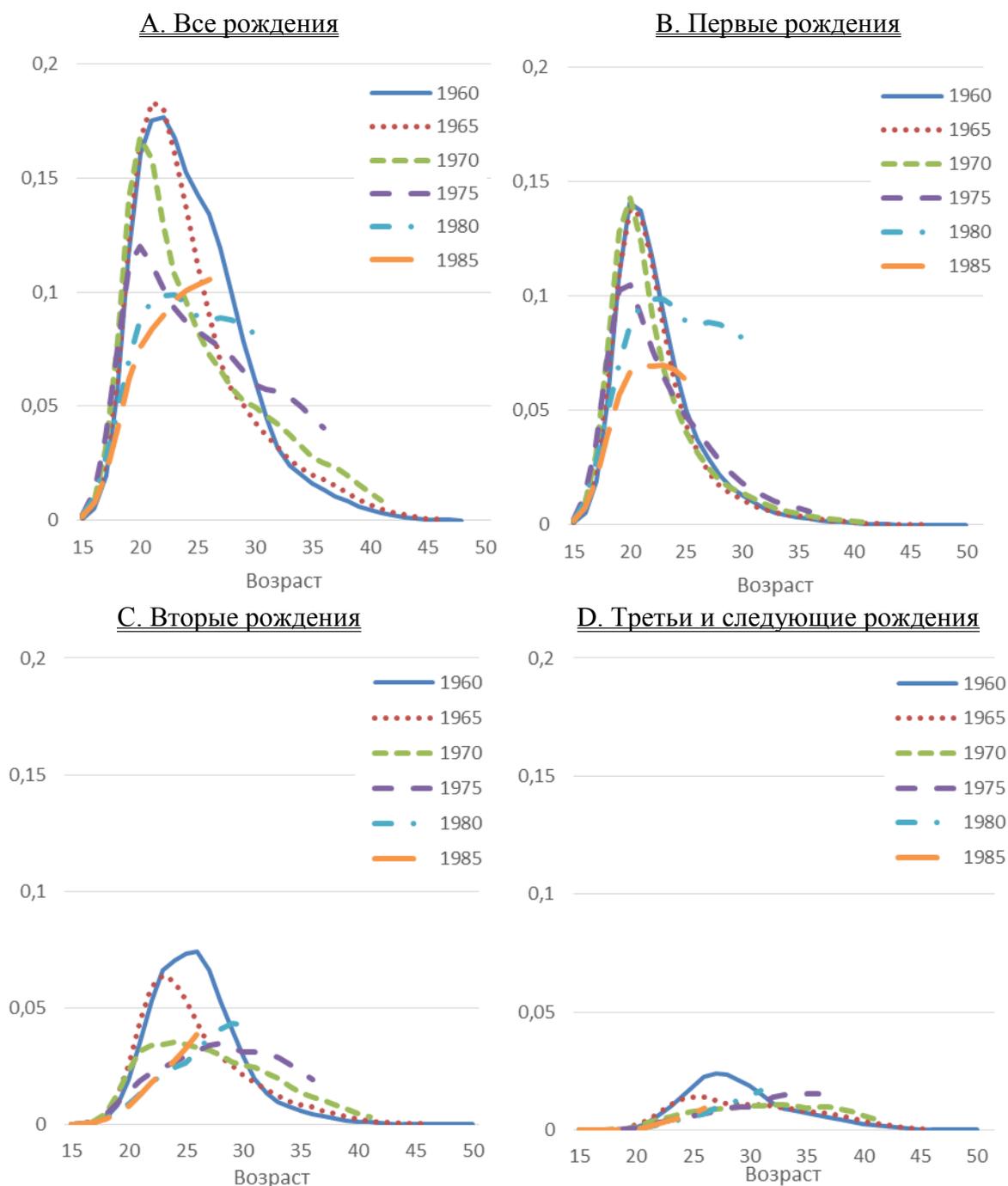

Рисунок 4. Возрастные коэффициенты рождаемости по очередности рождения, поколения женщин 1960, 1965 1970, 1975, 1980 и 1985 годов рождения, число рождений на одну женщину

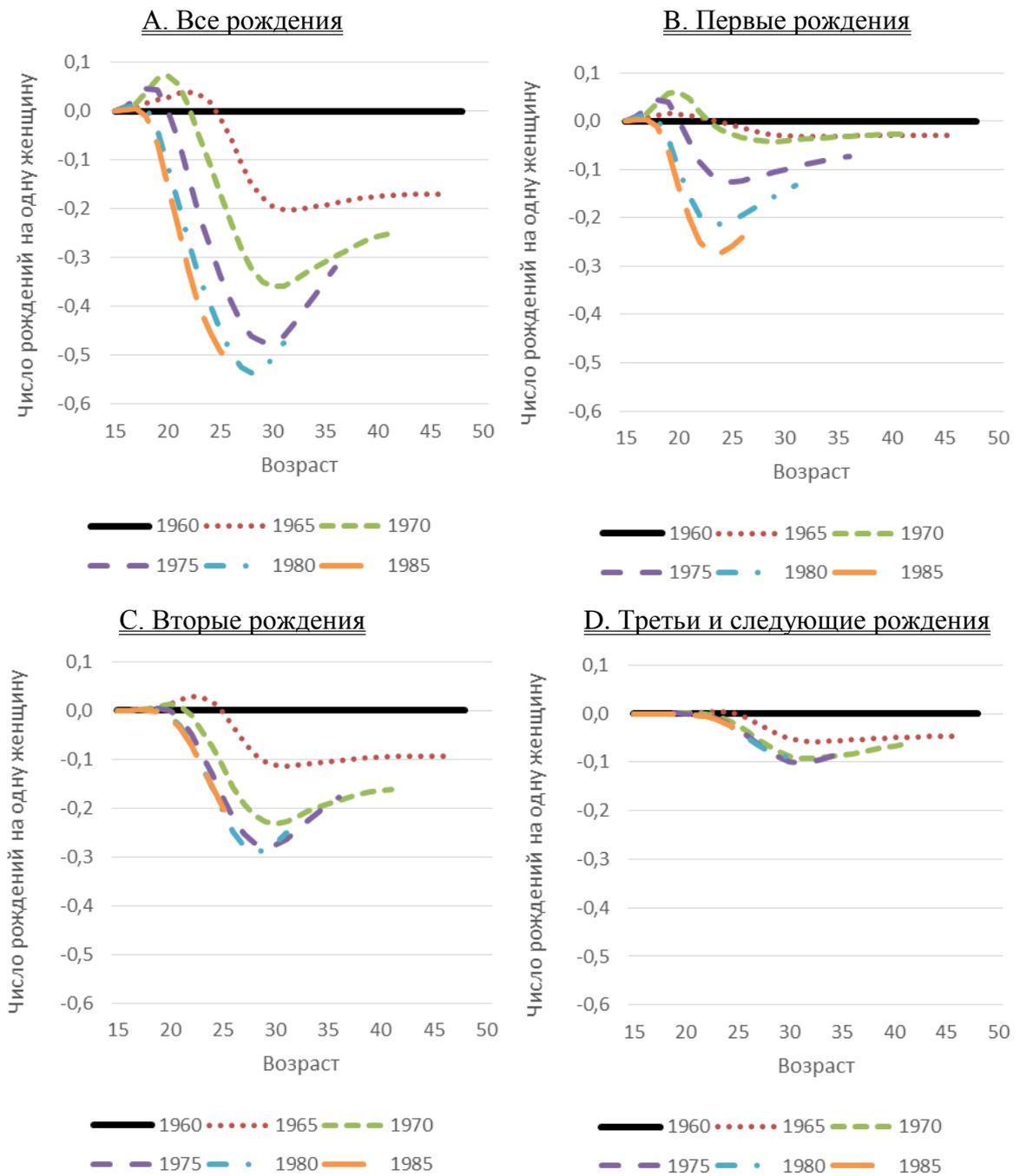

Рисунок 5. Различия накопленных возрастных коэффициентов рождаемости в женских поколениях 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 годов рождения по сравнению с референтным поколением 1960 года, число рождений на одну женщину

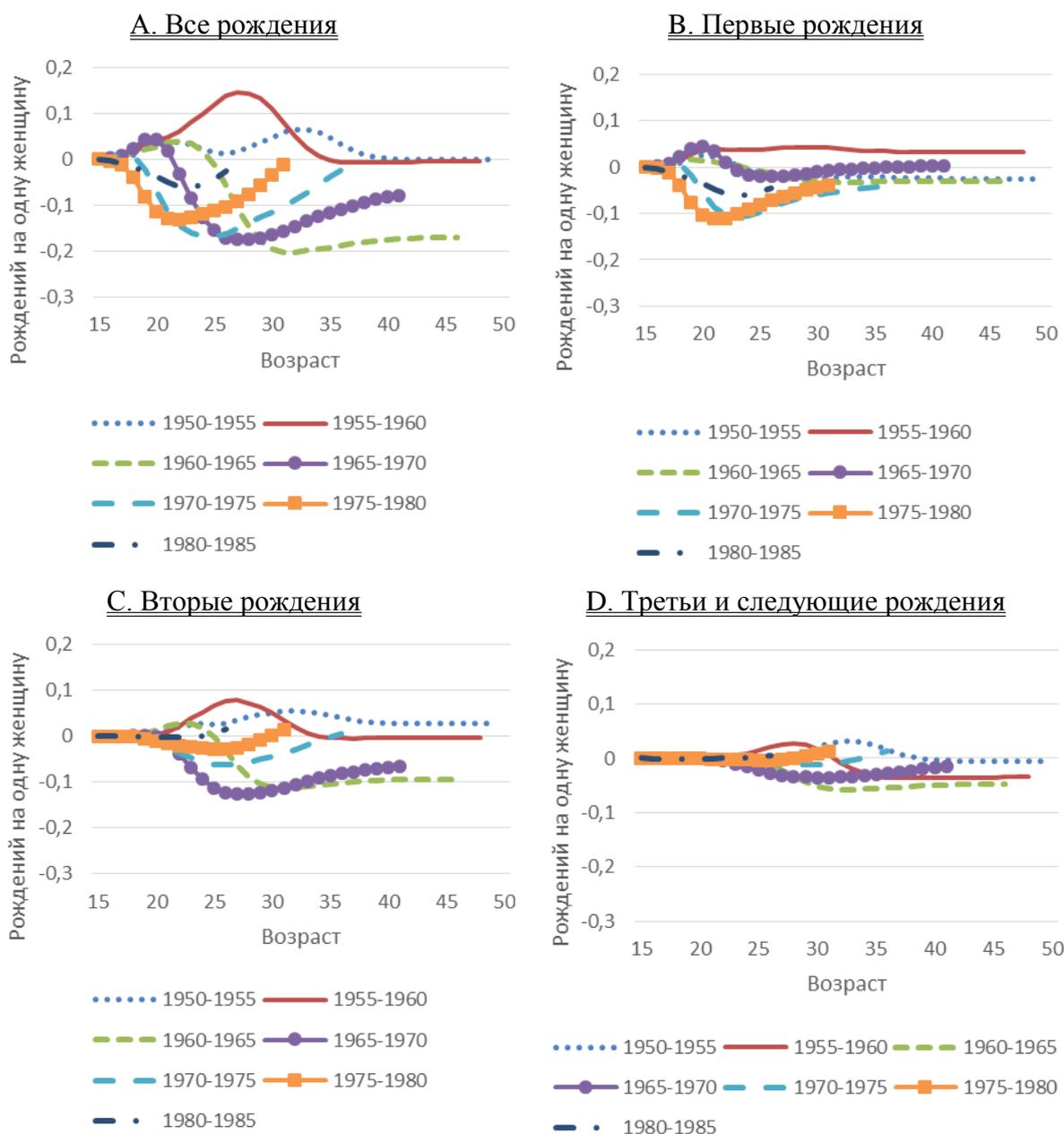

Рисунок 6. Различия накопленных возрастных коэффициентов рождаемости между женскими поколениями 1950, 1955, 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 годов рождения (база сравнения – предыдущее поколение), число рождений на одну женщину

Характерно, что для «молодой» модели деторождения, которой следовали все когорты россиянок, родившиеся в 1940-х – 1970-х годах, пик деторождения приходился на возраст 20-22 года (рисунки 3 и 4).

Омоложение рождаемости, набравшее силу в поколениях 1950-х годов рождения, наиболее отчетливо иллюстрирует рисунок 6. Коэффициенты рождаемости для первых детей по порядку рождения у матери в когорте 1960 года рождения имели более высокий уровень во всех возрастах по сравнению с коэффициентами в когорте родившихся в 1955 г. (рисунок 6, панель В). Имел также место некоторый рост в рождаемости вторых детей в когортах начала 1950-х годов рождения во всех возрастах и в когортах второй половины конца 1950-х годов, но в позднем двадцатилетнем возрасте (рисунок 6, панель С).

Омоложение рождаемости в отношении третьих и последующих детей было похожим, но менее выраженным (рисунок 6, панель D).

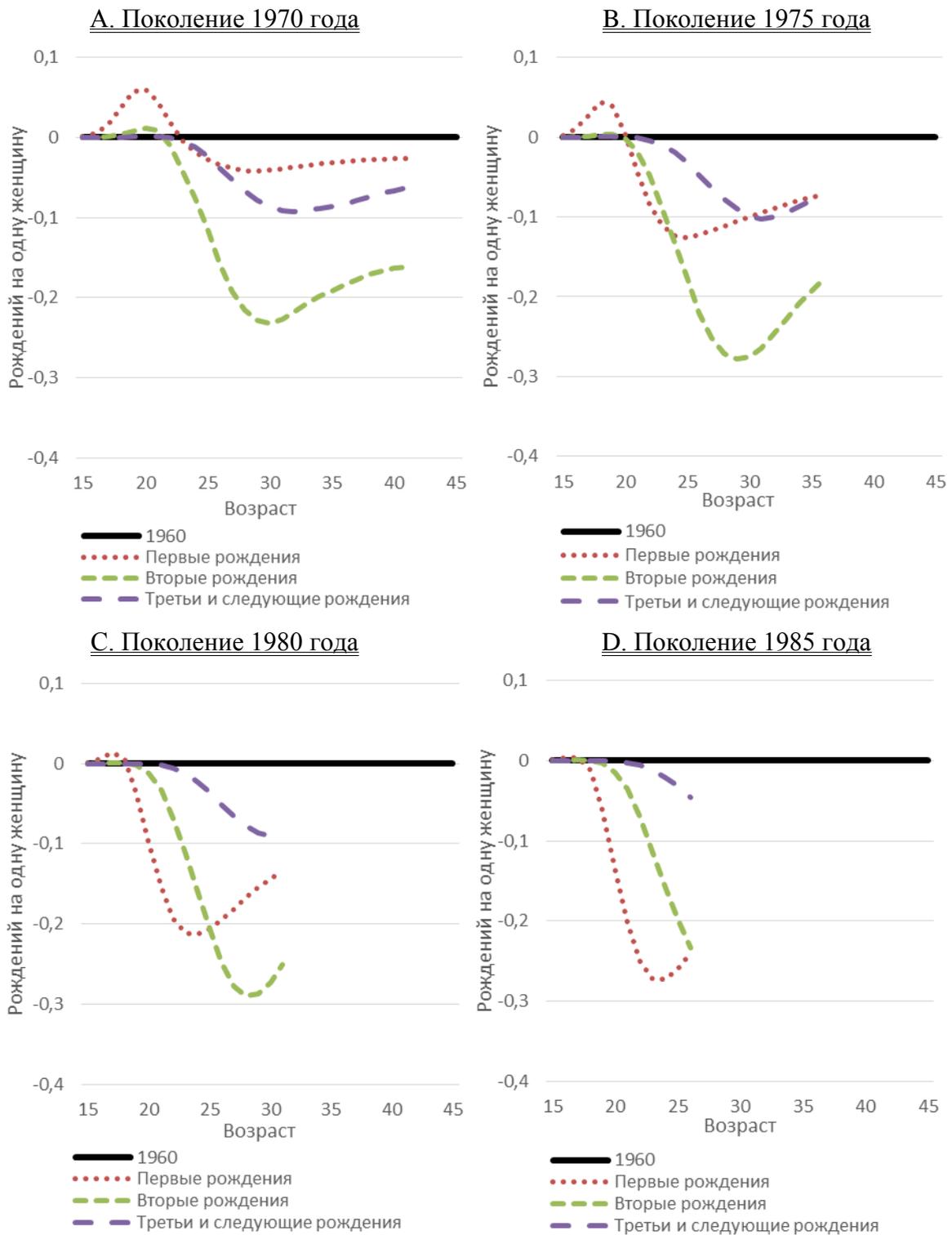

Рисунок 7. Различия накопленных возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения между женскими поколениями 1970, 1975, 1980, 1985 годов рождения по сравнению с референтным поколением 1960 года, число рождений на одну женщину

Процесс откладывания деторождения в поколениях 1960-х, 1970-х и начала 1980-х годов рождения выражается в снижении от когорты к когорте рождаемости у молодых матерей (рисунок 4). Масштабы снижения рождаемости среди молодых женщин отчетливо видны на кривых рисунка 5. К примеру, женщины в возрастах около 30 лет в когорте 1975 года родили в среднем почти на 0,5 ребенка меньше по сравнению с когортой 1960 г. (рисунок 5, панель А). Степень, в какой отложенные рождения были позднее реализованы в старших возрастах (при сравнении с референтной когортой), иллюстрируют рисунки 5 и 6: после возраста достижения нижней точки кривые для всех очередностей рождения стремятся вверх.

Анализ коэффициентов рождаемости для реальных поколений по очередности рождения у матери представлен на рисунке 7. Видно, что основным фактором снижения рождаемости в когортах 1960-х и 1970-х годов рождения была «утеря» второго ребенка по порядку рождения у матери. Это подтверждается изменением итоговой рождаемости поколений, дифференцированной по порядку рождения. Рисунок 8 и таблица 1 иллюстрируют роль структуры рождаемости по очередности рождения в общих трендах рождаемости. Заметное снижение рождаемости, произошедшее между когортами 1960 и 1970 годов рождения, было в основном связано со снижением числа вторых, третьих и последующих рождений. Последовательно вклад первых рождений возрос с 52 до 58% от величины суммарной рождаемости в возрасте 40 лет (в общей величине итоговой рождаемости поколений – к возрасту 50 лет – результат будет, с незначимой погрешностью, таким же).

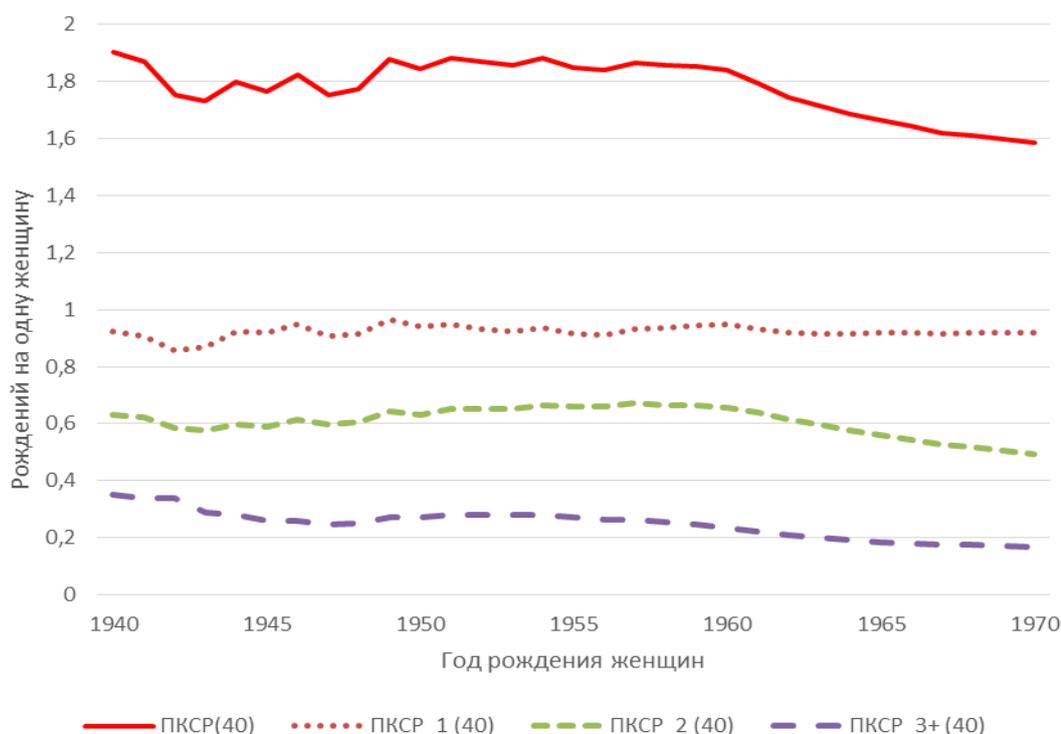

Рисунок 8. Поленческий коэффициент суммарной рождаемости в возрасте 40 лет для всех очередностей рождения, а также для первых, вторых, третьих и следующих очередностей рождения, женские поколения 1940-1970 годов рождения

Таблица 1. Коэффициент суммарной рождаемости в возрасте 40 лет и его структура по очередности рождения, поколения женщин 1940, 1950, 1960 и 1970 годов

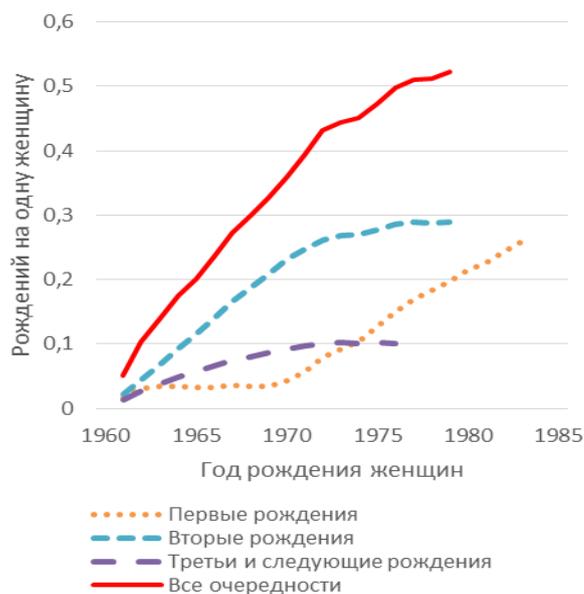
Очередность рождения	Год рождения женщин						
	1940	1950	1960	1970	1950 к 1940, %	1960 к 1950, %	1970 к 1960, %
Все рождения, ПКСР (40)	1,90	1,84	1,84	1,57	97	100	85
Первые рождения, ПКСР_1 (40)	0,92	0,94	0,95	0,92	102	101	97
Вторые рождения, ПКСР_2 (40)	0,63	0,63	0,66	0,49	100	104	74
Третьи и следующие рождения, ПКСР_3+ (40)	0,35	0,27	0,24	0,16	78	86	68
<i>Доля указанной очередности в суммарной рождаемости, %</i>							
Все рождения	100,0	100,0	100,0	100,0			
Первые рождения	48,4	50,8	51,5	58,4			
Вторые рождения	33,1	34,3	35,7	31,2			
Третьи и следующие рождения	18,5	14,9	12,8	10,4			

Источник: Расчеты авторов на основе данных HFD, дополненных неопубликованными данными Росстата.

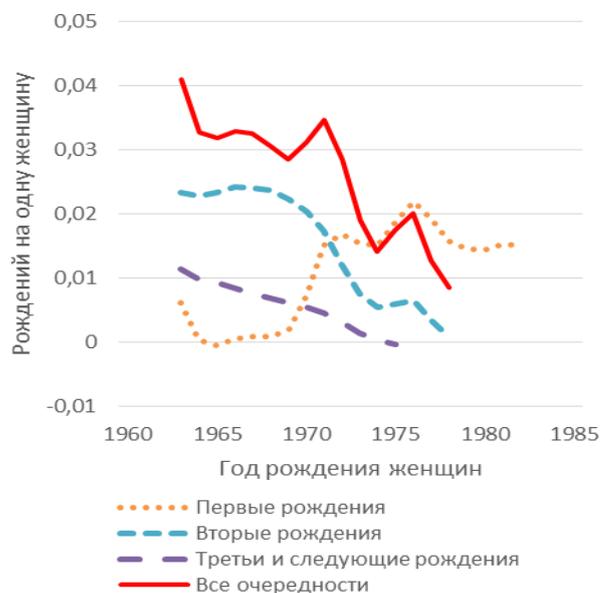
Масштабы отложенного деторождения

Общая величина отсроченного деторождения (снижение накопленных коэффициентов рождаемости к возрасту 26 лет в сравнении с референтным поколением женщин 1960 года рождения) для женских когорт, родившихся в конце 1970-х - начале 1980-х годов, составила немногим более 0,5 рождения в расчете на одну женщину (рисунок 9, панель В). Эта величина откладывания деторождения была низкой в поколениях 1960-х годов, но увеличилась для родившихся в 1970-х и 1980-х годах (рисунок 9, панели А и В). Отметим, что тенденция откладывания первого рождения проявила себя, только начиная с поколений родившихся в 1970-х годах, подростковая социализация которых протекала в период «перестройки» и последующей социально-экономической трансформации общества. Откладывание первенцев протекало достаточно стремительно и, видимо, еще не завершено. Относительно референтной когорты 1960 года снижение числа рождений к возрасту 26 лет для поколения 1985 года составило 0,3 в расчете на одну женщину. Для детей второй очередности отсрочка рождения быстро увеличивалась в когортах 1960-х годов и резко замедлилась в когортах 1970-х годов (а затем, возможно, стабилизировалась. В итоге у женщин этих поколений отложенными оказываются, в среднем, 0,3 второго рождения (рисунок 9, панели А и В). Интенсивность откладывания третьих и последующих детей также возросла, однако была невысокой с самого начала, и скорость ее нарастания сошла на нет в когортах 1970-х годов. В итоге размеры отложенного деторождения для третьих и следующих по порядку детей можно оценить не более чем в 0,1 рождения (рисунок 9, панели А и В).

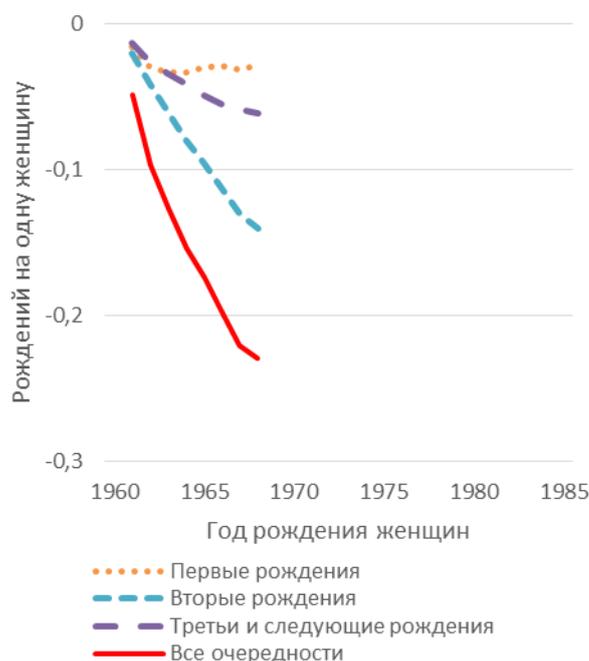
А. Накопленное число отложенных рождений по сравнению с когортой 1960 года (P_i)

В. Абсолютные изменения P_i (трехлетняя скользящая средняя для когорт)

С. Снижение суммарной рождаемости в возрасте 40 лет (FD_i)

Д. Индекс компенсации (RI_i)

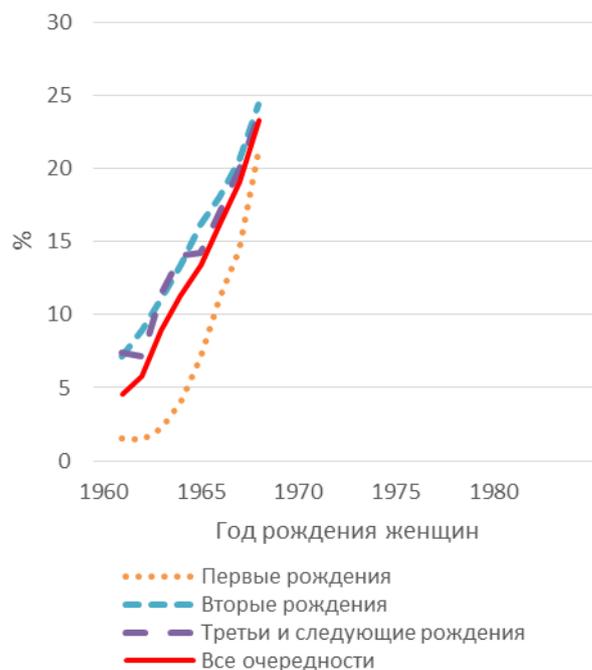

Рисунок 9. Основные индикаторы откладывания и наверстывания отложенных рождений по очередности, поколения женщин 1960-1985 годов в сравнении с референтным поколением 1960 года

Результаты выборочного исследования РидМиЖ/RusGGS, выполненного по международной программе сравнительных исследований⁵, свидетельствуют не только об

⁵ Выборочное панельное исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенное в России в три раунда: в 2004, 2007 и 2011 г., является частью международной программы

откладывании деторождения в России на более поздний возраст в целом, но и об откладывании момента появления первенца в состоявшихся брачно-партнерских союзах. Интервал между началом первого союза (сожительства или брака с совместным проживанием партнеров с исключением добрачных зачатий) и датой рождения первого ребенка существенно возрос для поколений женщин 1970-1979 и 1980-1989 годов рождения в сравнении с когортами предыдущих лет рождения [Митрофанова 2011].

Масштабы наверстанного деторождения

Так как откладывания деторождения в поколениях ранее 1960-х годов не наблюдалось (см. рисунки 2-5), логично предположить, что компенсационный рост деторождения может быть обнаружен также только, начиная с когорт 1960-х годов рождения. Временные ряды, для которых может быть измерен индекс компенсации отложенных рождений в России, по определению будут относительно короткими, так как необходимо наблюдать за результатами репродуктивного поведения каждой когорты, по крайней мере, до 40-летнего возраста. Рост индекса компенсации позволяет утверждать, что степень реализации отложенных рождений повышалась от поколения к поколению: с менее 10% для когорт начала 1960-х годов до 25-30% для когорт, родившихся в конце 1960-х – начале 1970-х годов (рисунок 9, панель D). Наверстывание уровня рождаемости первенцев протекает хуже, чем последующих детей. В целом следует признать, что уровень компенсации отложенных рождений в России для поколений, завершающих свою репродуктивную биографию, остается низким. По нашей экстраполяционной оценке, он едва ли превысит 50-55% по рождениям всех очередностей для когорты 1975 года рождения (около 40% по первым, 50% по вторым и 60% по третьим и следующим рождениям). Насчет более молодых поколений говорить еще слишком рано – женщины, родившиеся в 1980-х годах, едва перешагнули за возраст, на который приходится максимум кумулятивной величины отложенной рождаемости.

Нетто-результат процессов откладывания и наверстывания деторождения в реальных поколениях: долговременное снижение суммарной рождаемости в возрасте 40 лет

Итоговое снижение суммарной рождаемости в возрасте 40 лет становится понятным при совместном рассмотрении данных, приведенных на рисунках 9 (панель С), 8 и в таблице 1. Снижения показателя итоговой рождаемости первых детей (ПКСР_1) вплоть до поколений женщин, родившихся в начале 1970-х годов, практически не было. Со вторыми детьми ситуация намного хуже – долговременное снижение поколенческого коэффициента суммарной рождаемости для вторых рождений ускорялось у всех женщин, родившихся в 1960-е годы (рисунок 9, панель С): ПКСР_2 в возрасте 40 лет снизился с 0,66 рождения на одну женщину в когорте 1960 года рождения до 0,49 в когорте 1970 года рождения (рисунок

выборочных исследований «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme), инициированной Отделом населения ЕЭК ООН и ведущими статистическими и демографическими исследовательскими центрами Европы. См.: <http://www.unecsc.org/pau/ggp/welcome.html>. Подробнее с российской программой исследований можно ознакомиться на сайте Независимого института социальной политики (Москва), координировавшего программу в России: http://www.socpol.ru/gender/Prog_Russia.shtml.

8 и таблица 1). Абсолютное долговременное снижение итоговой рождаемости детей третьей очередности было незначительным, так как даже при том, что ПКСР_3+ снижался быстро, накопленный коэффициент рождаемости в 40-летнем возрасте для третьих и последующих рождений был относительно низким - между 0,24 рождения на одну женщину для когорты 1960 года рождения и 0,16 рождения для когорты 1970 года рождения (рисунок 8 и таблица 1). В итоге снижение ПКСР для всех очередностей в когорте 1970 г. по сравнению с когортой 1960 г. на 0,27 рождения складывается из снижения ПКСР_1 на 0,03, ПКСР_2 на 0,17 и ПКСР_3+ на 0,08 рождения (расхождение на 0,01 – за счет округления).

Процессы откладывания и наверстывания деторождения в России: краткое обобщение тенденций

Предшествующий анализ важен для понимания различных аспектов процесса откладывания и последующего наверстывания деторождения в российских поколениях, но слишком детализированный анализ может затруднить общее видение ситуации.

Трансформация возрастной модели рождаемости в России началась в поколениях, родившихся в середине 1960-х годов, активный детородный период которых пришелся на конец 1980-х - начало 1990-х годов (рисунки 1, 2, 4, 6). Этот процесс сопровождался быстрым падением интенсивности деторождения, начавшимся в 1989 г., что привело к последовательному снижению итоговой рождаемости у всех когорт 1960-х годов рождения.

Для прослеживания процессов откладывания и наверстывания деторождения в перспективе реальных поколений в нашем распоряжении имеются не слишком длинные ряды данных (рисунки 2, 4, 5, 6, 9, 10 и таблица 1). Рождаемость детей всех очередностей, особенно вторых детей, у матерей молодого возраста последовательно снижалась в когортах 1960-х, 1970-х и первой половины 1980-х годов рождения. К сегодняшнему дню степень компенсации отложенных рождений, как было показано выше, пока остается слабой, хотя и усиливается от поколения к поколению, насколько это можно проследить на основе коротких динамических рядов (рисунок 9, панель D и рисунок 10).

Если взглянуть на тенденции рождаемости в перспективе не реальных, а условных поколений (показателей для календарных лет), то легко заметить, что снижение рождаемости у молодых матерей началось в конце 1980-х годов и продолжалось все 1990-е годы. В то же время рождаемость у женщин зрелых и старших возрастов (26-49 лет) в 1993 г. остановила свое снижение и в 1994-1999 гг. поддерживалась на одном уровне (рисунок 1).

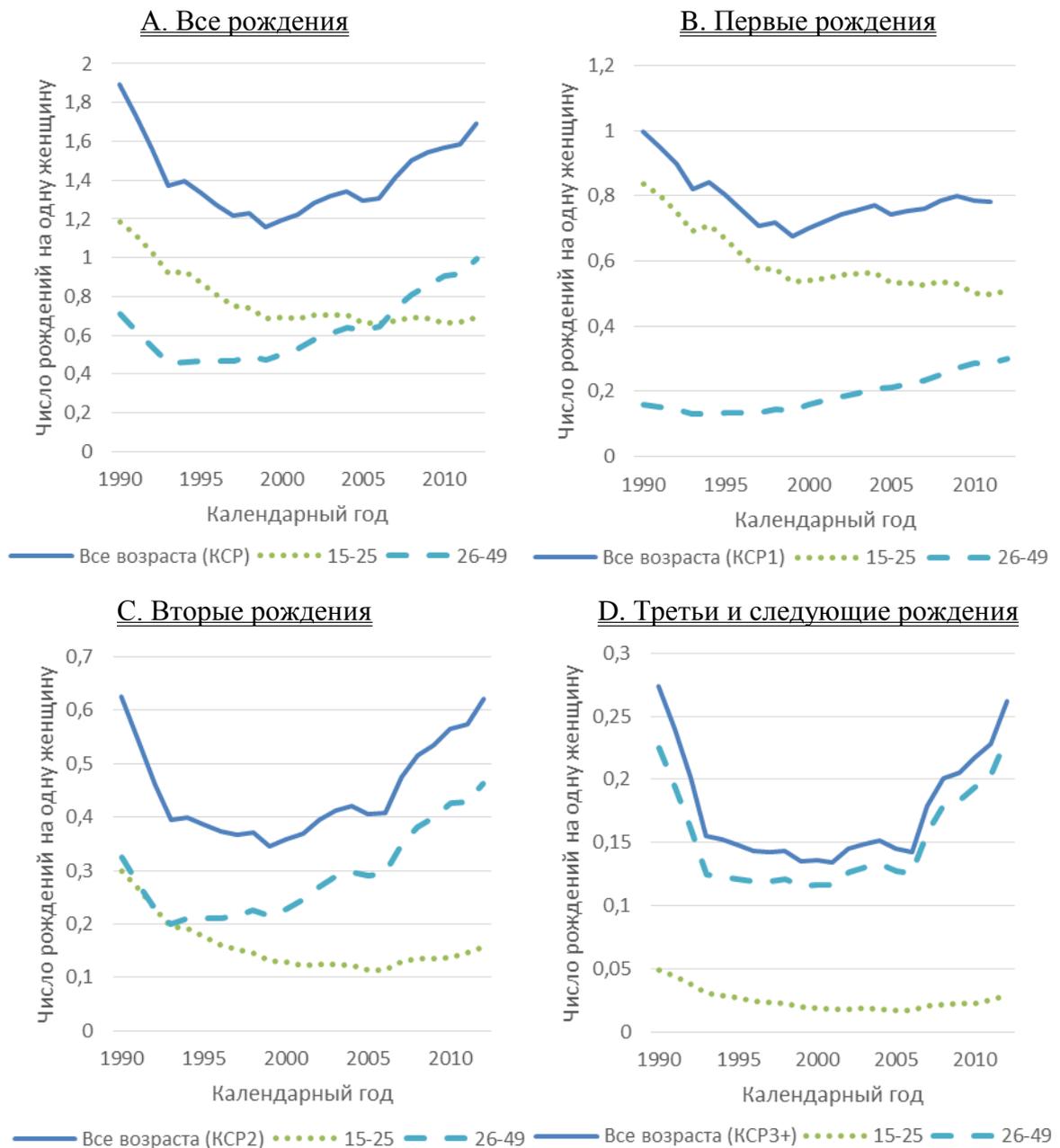

Рисунок 10. Коэффициенты суммарной рождаемости по очередности рождения для условных поколений, всего и для возрастных интервалов 15-25 и 26-49 лет. 1990-2012 гг., число рождений на одну женщину

Источник: Расчеты авторов на основе данных HFD, дополненных неопубликованными данными Росстата.

Нижняя точка изменений КСР была пройдена в 1999 г. – 1,16 рождения на женщину. Далее показатель возрос до 1,34 в 2004 г. и 1,69 в 2012 г. В этот период КСР рос исключительно благодаря увеличению интенсивности деторождения у женщин старше 26 лет. Кумулятивная величина рождаемости молодых женщин в возрастном интервале 15-25 лет достигла нижней точки в 0,69 рождения на одну женщину в 1999 г. и, слегка колеблясь, оставалась на этом уровне следующие полтора десятилетия. В 2012 г. она составила те же 0,69 рождения (рисунки 1 и 11, панель А). КСР для женщин старше 25 лет составлял 0,47

рождения в расчете на одну женщину в 1999 г. и в 2 раза выше в 2012 г. – 0,997 (рисунки 1 и 11, панель А). В период с 1999 по 2004 г. некоторые из женщин старших возрастов, которые ранее отложили рождение детей, смогли реализовать отложенные рождения. Короткое плато в рождаемости зрелых женщин было достигнуто в 2004-2006 гг. Анализ механизмов роста рождаемости в 1999-2004 гг. со всей очевидностью доказывает, что увеличение КСР было достигнуто, благодаря женщинам зрелых и старших возрастов, которые наверстывали свое отставание в рождаемости, главным образом, первых и вторых детей (рисунок 11 и таблица 2). Рост интенсивности деторождения у женщин старших возрастов продолжается и сегодня. Можно предположить, что некоторый рост рождаемости у женщин старших возрастов происходил бы и в отсутствие какой-либо пронаталистской политики, однако меры, принятые в 2007 г., вероятно, тоже повлияли на движение в этом направлении.

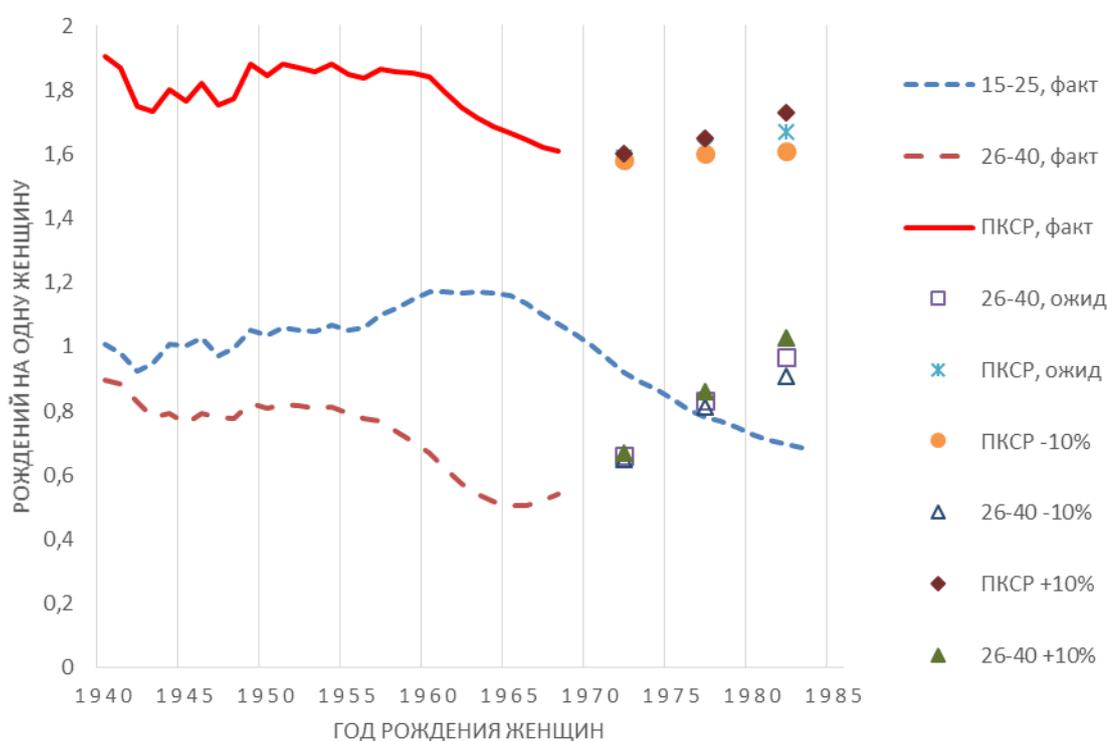

Рисунок 11. Фактическая и ожидаемая при различных гипотезах (см. табл. 5 ниже) итоговая рождаемость реальных поколений женщин, а также фактическая и ожидаемая суммарная рождаемость для возрастных групп 15-25 лет и 26-40 лет, поколения 1940-1985 годов рождения

Таблица 2. Коэффициент суммарной рождаемости для условных поколений по очередности рождения, в том числе для укрупненных возрастных групп, 1999, 2004-2006, 2012 г.

	Календарные годы			2004-2006 / 1999, %	2012 / 2004- 2006, %
	1999	2004-2006, средний уровень	2012		
<i>А. Женщины всех возрастов</i>					
Все рождения	1,157	1,314	1,691	114	129
Первые рождения	0,677	0,756	0,809	112	107
Вторые рождения	0,345	0,412	0,620	119	151
Третьи и следующие рождения	0,135	0,146	0,261	108	179
<i>В. Молодые женщины в возрасте 15-25 лет</i>					
Все рождения	0,686	0,677	0,694	99	103
Первые рождения	0,536	0,542	0,507	101	94
Вторые рождения	0,130	0,117	0,157	90	135
Третьи и следующие рождения	0,020	0,018	0,029	88	165
<i>С. Старшие женщины в возрасте 26-49 лет</i>					
Все рождения	0,471	0,638	0,997	135	156
Первые рождения	0,142	0,214	0,303	151	141
Вторые рождения	0,214	0,295	0,463	138	157
Третьи и следующие рождения	0,115	0,129	0,233	112	181
<i>Вклад указанной очередности в суммарную рождаемость молодых и старших женщин, %</i>					
<i>Молодые женщины в возрасте 15-25 лет</i>					
Все рождения	100	100	100		
Первые рождения	78	80	73		
Вторые рождения	19	17	23		
Третьи и следующие рождения	3	3	4		
<i>Старшие женщины в возрасте 26-49 лет</i>					
Все рождения	100	100	100		
Первые рождения	30	34	30		
Вторые рождения	46	46	47		
Третьи и следующие рождения	24	20	23		

Источник: Расчеты авторов на основе данных HFD, дополненных неопубликованными данными Росстата.

3. ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

В течение последнего полувека рождаемость в России была низкой, одной из самых низких в мире. Итоговая рождаемость поколений (ПКСР), родившихся в 1940-е и 1950-е годы, не превышала 1,9 рождения на женщину и снизилась до 1,6 в поколениях 1960-х годов. Интегральный показатель рождаемости для условных поколений (КСР), считающийся важным индикатором и обычно используемый лицами, принимающими политические

решения, и широкими кругами экспертного сообщества, снизился до 2 рождений на женщину (т.е. ниже уровня замещения поколений) в середине 1960-х годов. В авангарде перехода к суженному режиму воспроизводства населения была Европейская часть страны, особенно крупные города [Захаров 2008]. КСР колебался вокруг этого уровня вплоть до начала 1980-х годов. Он временно возрос в течение 1980-х годов, а затем обрушился, достигнув в нижней точке значения 1,2 ребенка на женщину в 1999 г. Далее мы наблюдали более чем десятилетний рост КСР, который получил дополнительный толчок после 2006 г.

Оценка мер демографической политики начала 1980-х годов

Специалисты в области социальных наук и среди них, в первую очередь, демографы, а со временем также и российская политическая элита в конце 1960-х и в 1970-е годы стали беспокоиться по поводу устойчиво низких значений КСР на уровне 1,9-2,0. В течение 1970-х годов рекомендации о необходимости повысить рождаемость широко обсуждались в научной литературе и на профессиональных конференциях и постепенно были восприняты политическим руководством СССР. В 1981 г. был принят широкий диапазон мер семейной и пронаталистской политики, таких как материальная помощь молодым людям, вступившим в брак, семьям с детьми, меры, направленные на улучшение жилищных условий, рост доступности и качества дошкольных учреждений, расширение возможностей неполной занятости, работы дома для женщин и введение частично оплачиваемых отпусков по уходу за маленькими детьми. Следствием этих мер стал рост КСР с 1,9 в 1981 г. до 2,2 в 1987 г. (рисунок 1), что трактовалось как рост рождаемости.

Впоследствии детальный демографический анализ показал, что в действительности повышения рождаемости в терминах реальных поколений не было, а заметный рост показателей для условных поколений был, прежде всего, вызван ускорением темпов формирования семей, т.е. переносом рождений на более ранние сроки, «сжатием» календаря рождений в когортах 1955-1965 годов [Захаров 2006; Авдеев 2003/2011]. Доказательством тому служит отсутствие роста показателей итоговой рождаемости поколений, находившихся в основных репродуктивных возрастах в течение 1980-х годов. С конца 1980-х и в течение 1990-х годов КСР снижался, так же как и ПКСР для женских поколений 1960-х годов рождения.

Можно ли заключить, что меры, осуществленные в 1980-х годах, не достигли цели повышения рождаемости? Как отмечали в середине 1990-х годов В. Борисов и А. Синельников, «что касается эффективности принятых в 1981 г. мер, то здесь мнение демографов – единодушное, без каких-либо исключений. Все специалисты оценили их как неэффективные» [Борисов, Синельников 1996]. Этот вывод можно было бы поставить под сомнение на том основании, что воздействующие на массовое демографическое поведение социальные условия начали драматично меняться в конце 1980-х и, особенно в 1990-е годы, и по этой причине меры по повышению рождаемости не смогли сгенерировать какой-либо долгосрочный эффект. Однако анализ показывает, что сдвиги в календаре рождений реальных поколений произошли до начала драматических изменений в социальных и экономических условиях конца 1980-х - начала 1990-х годов. Поэтому вывод о том, что демографическая политика тех лет не дала долгосрочного эффекта, скорее всего, верен.

Эффект пронаталистских мер 2007 г.: предварительный анализ

К середине первого десятилетия XXI века внутренняя демографическая ситуация стала предметом серьезного беспокойства, что привело к принятию новых мер по стимулированию рождаемости, которые вступили в силу с начала 2007 г. Они включали:

- существенный рост размеров пособий по беременности, родам, детских пособий в зависимости от числа детей с предоставлением возможностей для региональных администраций принимать на себя дополнительные обязательства в этой сфере;
- серьезное повышение оплаты отпусков в связи с рождением и воспитанием детей (свыше двух месяцев перед рождением, около трех месяцев после рождения получаемая ранее зарплата компенсируется в размере 100%; 18 месяцев родительских отпусков оплачиваются в размере 40% от получаемой ранее зарплаты и не менее установленной фиксированной суммы);
- новую меру – «материнский капитал» – первоначально в размере 250 тыс. безналичных рублей, индексируемый ежегодно с учетом инфляции, который предназначается матери за второго ребенка (или следующего по порядку рождения, если на второго ребенка он не был получен) и который может использоваться по достижении ребенком трехлетнего возраста на цели образования детей, приобретение жилья или в качестве вклада в накопительную часть пенсии его матери.

Рост КСР с 1,3 в 2006 г. до 1,6 в 2010-2011 гг. или на 21% свидетельствовал о незамедлительном получении эффекта от мер семейной политики образца 2007 г. Но вопрос состоит в том, увеличат ли данные меры показатели рождаемости для реальных поколений, т.е. будет ли значимым повышение итоговой рождаемости женских поколений 1970-х и 1980-х годов рождения.

Государственные меры помощи семьям, введенные с 1 января 2007 г., затронули почти всех женщин, кроме самых молодых, еще не имеющих детей. В 2006-2012 гг. молодые женщины продолжали откладывать деторождение, что доказывается некоторым уменьшением рождаемости детей первой очередности (рисунок 10 и таблица 2). В то же время коэффициенты рождаемости для вторых, третьих и более высоких порядков детей у молодых женщин увеличились (таблица 2). И все же преимущества от пронаталистских мер получили, главным образом, женщины старших возрастов: коэффициенты суммарной рождаемости (дети всех очередностей) для женщин старше 25 лет увеличились с 0,643 рождения на одну женщину в 2006 г. до 0,997 в 2012 г. (рисунки 1, 10 – панель А, таблица 2).

Хотя давать исчерпывающую оценку демографического эффекта пронаталистских мер 2007 г. еще рано, все же можно говорить, что их влияние на показатели рождаемости год от года уменьшалось, правда, если пока оставить в стороне неожиданно высокий прирост показателей в 2012 г., в природе которого еще предстоит разобраться (рисунки 1 и 10, таблица 3). Если взять годовые абсолютные приросты коэффициентов суммарной рождаемости, то легко заметить, что они снижались в 2007-2011 гг. (таблица 3): за 2006-2007 гг. КСР увеличился на 0,11 рождения в расчете на одну женщину, а за 2010-2011 гг. – на 0,02, т.е. на величину в 5 раз меньшую. Сходные соотношения мы обнаруживаем при

сравнении годовых изменений суммарной рождаемости в разрезе отдельных очередностей рождений.

Таблица 3. Прирост (сокращение) коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений по очередности рождения, всего и по укрупненным возрастным интервалам, 2006-2012 гг.

	Изменения между годами, число рождений на одну женщину						
	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2006-2012
<i>Все рождения</i>							
КСР	0,11	0,09	0,04	0,03	0,02	0,11	0,39
15-25	0,02	0,02	-0,01	-0,02	0,01	0,03	0,03
26-49	0,10	0,07	0,05	0,05	0,01	0,08	0,36
<i>Первые рождения</i>							
КСР_1	0,01	0,02	0,01	-0,02	0,00	0,03	0,05
15-25	0,00	0,01	-0,01	-0,03	0,00	0,01	-0,02
26-49	0,01	0,01	0,02	0,01	0,00	0,02	0,07
<i>Вторые рождения</i>							
КСР_2	0,07	0,04	0,02	0,03	0,01	0,05	0,21
15-25	0,02	0,01	0,00	0,00	0,01	0,01	0,05
26-49	0,05	0,03	0,02	0,03	0,00	0,03	0,16
<i>Третьи и следующие рождения</i>							
КСР_3+	0,04	0,02	0,01	0,01	0,01	0,03	0,12
15-25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01
26-49	0,03	0,02	0,00	0,01	0,01	0,03	0,11

Примечание: суммы могут не всегда сходиться за счет округлений с указанной точностью.

Источник: Расчеты авторов на основе данных HFD, дополненных неопубликованными данными Росстата.

В том, что меры семейной политики, введенные в 2007 г., приведут к серьезному росту рождаемости реальных поколений, заставляют сомневаться данные опросов населения в рамках выборочных социально-демографических исследований. Несмотря на то, что финансовая помощь семьям с детьми существенно возросла и были приняты другие стимулирующие меры, намерения иметь еще одного ребенка сколько-нибудь значимым образом не изменились в российском населении. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты трех волн РИДМИЖ (таблица 4). Оценки, базирующиеся на опросе, проведенном в 2011 г., показывают, что намерения иметь детей оказались примерно такими же, как и зафиксированные в раундах 2004 и 2007 г. Намерения иметь ребенка (еще одного ребенка) очень слабо изменились для всех очередностей рождений за период 2007-2011 гг., несмотря на то, что стимулирующие меры, в первую очередь, в отношении вторых по порядку рождений у матери к моменту последнего опроса уже действовали 4 года [Захаров 2013].

Таблица 4. Намерения респондентов в возрасте 25–35 лет когда-либо иметь ребенка (еще одного ребенка) в зависимости от уже имеющегося числа детей, по данным трех волн опросов РидМиЖ в 2004, 2007, 2011 г., %

Респонденты с числом детей:	2004	2007	2011
0	91	85	88
1	71	74	71
2	29	32	33
3	22	30	20
Все респонденты	64	66	67

Источник: [Frejka, Zakharov 2013].

Альтернативные гипотетические прогнозы, опирающиеся на наблюдаемые тренды, дают основания полагать, что показатели итоговой рождаемости женских поколений 1970-х и 1980-х годов рождения, вероятнее всего, останутся на стабильном уровне, даже если рождаемость у их представителей в старших возрастах еще больше подрастет, частично компенсируя ее падение в молодых возрастах. Этот результат также дает основания для скептического отношения к демографическим результатам стимулирующих мер образца 2007 г. Если оттолкнуться от числа детей, уже рожденных к 2013 г., и предположить, что результаты репродуктивного поведения женщин старше 25 лет в поколениях 1970-х и 1980-х годов не будут сильно отличаться от результатов их предшественниц, то следует ожидать, что коэффициент суммарной (итоговой) рождаемости для указанных поколений (ПКСР) составит 1,6-1,7 (рисунок 11, таблица 5).

В свете имеющихся трендов, продемонстрированных в таблицах 3 и 4, сегодня, если и можно ожидать роста итоговой рождаемости реальных поколений, то весьма умеренного. Такой прогноз предполагает, что в своих старших возрастах поколения 1970-х – 1980-х годов компенсируют значительную часть рождений, которые они отложили в молодом возрасте (рисунок 11). Если же у женщин этих поколений в оставшиеся годы их репродуктивной активности возрастные коэффициенты рождаемости будут на 10% выше, чем у их предшественниц, то итоговая рождаемость поколений 1970-х годов останется примерно на том же уровне - 1,6 рождения на одну женщину, а итоговая рождаемость поколений первой половины 1980-х годов возрастет до 1,7 рождения. Лишь поколения второй половины 1980-х годов будут иметь шанс вернуться к уровню рождаемости своих матерей, рожденных в первой половине 1960-х годов, с показателем 1,8 рождения на одну женщину (таблица 5, рисунок 12). Заметим, что эти оптимистические предположения могут и не реализоваться, и если, к примеру, возрастные коэффициенты снизятся на 10%, то для поколений 1970-х – 1980-х годов рождения можно ожидать колебания значений итоговой рождаемости вокруг 1,6 рождения на одну женщину, что будет означать снижение рождаемости по сравнению с поколениями их матерей, родившихся в 1950-х – 1960-х годах, на 0,2-0,3 рождения (таблица 5).

Итак, данные и результаты анализа, имеющиеся в нашем распоряжении в начале 2014 г., показывают, что рост ПКСР для поколений, рожденных в 1970-х годы, практически невероятен, а для поколений 1980-х годов рождения рост возможен, но при самых благоприятных обстоятельствах и в очень умеренных масштабах, свидетельствующих не столько о росте, сколько о наверстывании уровня рождаемости после того, как

трансформация ее возрастной модели в поколениях 1970-х и 1980-х годов достигла стадии ускоренной реализации отложенных ранее рождений. Можно также предположить, что главный демографический эффект от пронаталистских мер, стартовавших в 2007 г., сведется к хорошо известному влиянию на календарь рождений, а не к повышению общего числа детей, которых родит женщина за свою жизнь. Другими словами, россияне оказались в условиях, подтолкнувших их рожать детей раньше, чем могла бы быть без этих мер, и с более короткими интервалами. Какая-то часть из них, возможно, не завела бы детей в позднем возрасте в отсутствие пронаталистской политики. Какова доля семей и женщин, решившихся на изменение своих планов в отношении числа детей в сторону увеличения - вот ключевой вопрос, на который мы пока не можем дать ответ. В силу этого наши выводы о демографической эффективности современной семейной политики в России носят предварительный характер. Обоснованно судить о результатах можно будет примерно полтора десятилетия спустя после ее начала. Кроме того, невозможно с требуемой точностью предсказать тренды рождаемости для следующего десятилетия.

Таблица 5. Фактическая и ожидаемая итоговая рождаемость поколений женщин, родившихся в 1955-1959 – 1985-1989 гг., с учетом данных о рождаемости за 2012 г.

Поколения женщин	Число детей на 1 женщину				
	родилось к 2013 г.	ожидается дополнительно при сохранении в предстоящие годы возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2012 г.	итоговое - фактическое или ожидаемое		
			при сохранении в предстоящие годы возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2012 г.	при увеличении в предстоящие годы возрастных коэффициентов рождаемости на 10%	при снижении в предстоящие годы возрастных коэффициентов рождаемости на 10%
1955-1959	1,88	0,00	1,88	1,88	1,88
1960-1964	1,76	0,00	1,76	1,76	1,76
1965-1969	1,64	0,00	1,64	1,64	1,64
1970-1974	1,56	0,03	1,59	1,60	1,58
1975-1979	1,43	0,19	1,62	1,65	1,60
1980-1984	1,13	0,54	1,67	1,73	1,61
1985-1989	0,64	1,05	1,69	1,81	1,58

Источник: Расчеты авторов на основе данных HFD, дополненных неопубликованными данными Росстата.

Высказанные выше соображения и сомнения не отменяют необходимости развивать и совершенствовать российскую демографическую политику. Изучение исторического опыта проведения политики с целью поддержать рождаемость вблизи уровня простого воспроизводства поколений и попыток ее увеличить свидетельствует, что достижение этих целей требует комплексного долговременного подхода [Gauthier 2007; Kohler et al. 2006; Krieger 2005; Neyer 2003, 2005; Sleenbos 2003].

Широко известный исследователь в области семейной политики П. МакДональд [McDonald 2002] подытожил, какого типа действия должны быть осуществлены с надеждой на повышение рождаемости и достижение уровня простого замещения поколения. В то время как лидерство, безусловно, должно оставаться за правительством, идеальная система принятия решений представляет собой трехстороннее партнерство между правительством,

работодателями и семьями на основе широкого взаимодействия в рамках гражданского общества. П. МакДональд перечисляет 3 категории мер политики в области рождаемости:

- финансовые стимулы, такие как бонусы за рождение, детские пособия, оплачиваемые родительские отпуска и налоговые льготы;
- поддержка родителей в совмещении профессиональных и семейных обязанностей: развитие учреждений, обеспечивающих уход за маленькими детьми, предоставление возможности неполной занятости и гибкого режима работы;
- широкие социальные изменения, поддерживающие детей и родителей в современном обществе, и, в первую очередь, направленные на обеспечение гендерного равенства в доме и быту, на работе и во всех социальных институтах.

По мнению Я. Хоема [Ноем 2008], опыт Франции и Скандинавских стран свидетельствует, что к более высокой рождаемости относительно других стран приводит, прежде всего, скоординированная общественная политика в широком континууме взаимодействующих между собой социально-экономических сфер: макроэкономики, занятости, жилищного строительства, - которая дополняется активной гендерной политикой и, наконец, собственно семейной политикой. Вся эта разносторонняя политика проводится в духе того, чтобы поддерживать деторождение как процесс в целом, а не только с целью предоставления возможностей получения денег брачным парам в избранных ситуациях. Щедрые условия предоставления отпусков по уходу за маленьким ребенком, детские пособия и развитие институциональной помощи в образовании и воспитании детей желательны сами по себе, но эти меры политики, взятые изолированно, едва ли способны иметь успех в существенном повышении рождаемости, если только они не вплетены в дружественную к семье культуру, возвращенную государством. Развитие такой культуры требует времени, поэтому любому правительству, которое желает повысить рождаемость, необходимо понимать, что оно принимает на себя долговременные обязательства по решению широкого круга вопросов, выходящих далеко за пределы финансовых мер пронаталистской направленности и семейной политики *per se*.

Обобщая приведенные выше авторитетные мнения, можно сказать, что политика в области рождаемости, имеющая хоть какие-нибудь шансы на успех, состоит из сложной системы прямо и косвенно взаимосвязанных мер, ориентированных на последовательное развитие в течение длительного времени.

В этой связи нам представляется, что российская демографическая политика не в полной мере использует накопленный мировой опыт. Она все еще недостаточно системна, консервативна по своей идеологии и, соответственно, не ориентирована на достаточно длительную историческую перспективу. На эти недостатки указывает, в частности, оценка демографической политики советского образца 1980-х годов. В отношении нового раунда пронаталистской политики, начавшегося в 2007 г., окончательные выводы делать рано, тем более что проводимая политика имеет очевидную тенденцию к развитию год от года. И все же на сегодняшний день предварительный демографический анализ не дает оснований для слишком оптимистичной оценки ожидаемых результатов.

Общие выводы

Современный этап эволюции рождаемости в России характеризуется трансформацией традиционной модели деторождения с характерным для нее ранним формированием семьи в сторону модели, при которой рождение детей происходит в более зрелом возрасте. Этот фундаментальный процесс происходит в модернизирующемся обществе с гораздо более образованным, квалифицированным и материально обеспеченным населением, чем когда-либо прежде. Изменение возрастной модели рождаемости (последовательное откладывание и компенсирующее наверстывание деторождения) началось в поколениях россиян, родившихся в середине 1960-х годов, репродуктивная активность которых пришлась в основном на 1990-е годы и все еще продолжается. Эти тенденции в рождаемости тесно переплелись с не менее фундаментальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности российской молодежи.

Последняя четверть XX столетия была отмечена накатывающимися волнами беспокойства по поводу низкой рождаемости и попыток ее увеличения.

Когда, в 1970-е годы, рождаемость устойчиво находилась вблизи уровня простого замещения поколений, но не достигала его, советское правительство решило «излечить» общество от проблемы демографического недовоспроизводства и в начале 1980-х годов ввело в действие совокупность мер семейной политики пронаталистской направленности. Хотя все эти меры были с самого начала положительно восприняты населением, они лишь способствовали ускорению темпов формирования семей и деторождения, обеспечив временный рост коэффициентов рождаемости для условных поколений между 1981 и 1987 годами. Однако истинный уровень рождаемости остался практически неизменным. Например, итоговый показатель рождаемости (ПКСР) для женщин поколений 1950-х годов, находившихся в активных детородных возрастах в 1980-е годы, оставался на одном и том же уровне, немного не дотягивая до 1,9 рождения на одну женщину.

Падение интенсивности деторождения в течение 1990-х годов привело к тому, что ПКСР опустился ниже 1,3 ребенка на женщину в 1995-2006 гг. Такое значение показателя зачастую рассматривается как некий психологический барьер, который отделяет страны с низкой рождаемостью от стран со сверхнизкой рождаемостью с крайне негативными социальными и экономическими перспективами [Kohler, Billari, Ortega 2002]. Озабоченность российского общества низким уровнем рождаемости выразилась в принятии набора пронаталистских мер в 2006-2007 гг. Эти меры принесли очевидный рост показателей: КСР возрос с 1,30 в 2006 г. до 1,59 в 2011 г., а в 2012 г. он подскочил еще выше, достигнув 1,69 рождения на одну женщину (по предварительным расчетам Росстата в 2013 г. значение показателя составит 1,70). Годовой рост этого показателя в 2007 г. составил почти 9%, но затем он снижался год от года, и в 2011 г. был около 1%. 2012 г. был отмечен скачком на уровне 7%, за которым последовал 2013 г. с практическим отсутствием роста. Такая импульсивная, с нарушением монотонности, динамика показателей отражает мгновенную реакцию населения на вводимые в действие все новые и новые меры, стимулирующие рождаемость, с помощью которых правительство пытается выполнить распоряжение Президента Путина (Указ №606, май 2012 г.) обеспечить повышение КСР до

1,753 к 2018 г. Так, в последние 3 года усиливается стимулирование детей третьей очередности рождения⁶.

Наблюдая за реакцией российского населения на растущее год от года материальное поощрение рождаемости, можно допустить, что планка, установленная государственными органами, будет взята, а может быть, даже и с опережением графика. Однако возникает ряд вопросов. Во-первых, как долго государство, находясь далеко не в блестящей экономической ситуации в целом, способно наращивать финансово-экономические стимулы, достаточные, чтобы они оставались привлекательными для большинства российских семей? Следует иметь в виду, что «цена прироста рождений» повышается нелинейно с ростом денежного поощрения, и можно предположить, что на каждый следующий затраченный государством рубль «демографическая отдача» будет снижаться⁷. И, во-вторых, в какой мере спровоцированное государством искусственное ускорение деторождения с укороченными интервалами между рожденьями обернется устойчивым ростом итоговой рождаемости реальных поколений? На эти вопросы, находясь в начале 2014 г., мы ответить не можем. Поэтому долговременная перспектива российской рождаемости остается крайне неопределенной, а следовательно, преждевременно подводить итоги проходящего у нас на глазах российского эксперимента по повышению рождаемости.

Расчеты, произведенные с учетом последних доступных к сегодняшнему дню исчерпывающих данных за 2012 г., показывают, что перспектива роста итоговой рождаемости для поколений 1970-х годов нереальна – итогом их прокреативной активности станет рождение в среднем 1,6 ребенка на женщину (российский исторический минимум). Пока нет оснований ожидать существенного по сравнению с предшественниками роста рождаемости и у поколений, родившихся в 1980-е годы. В лучшем случае когорты второй половины 1980-х годов завершат свою репродуктивную биографию с показателем около 1,8 рождения на одну женщину. Напомним, что данные когорты в свои 25-30 лет находятся сегодня на пике своего деторождения, и трудно сказать, как сложится их дальнейшая жизнь и в семейной, и в социально-экономической сферах. Можно ли ожидать, что те из них, кто уже родил первого, второго и третьего ребенка к 2014 г., родят в оставшиеся 10-15 лет своей репродуктивной жизни второго, третьего и четвертого детей?

Напомним, что, указав на возможное для поколений второй половины 1980-х годов повышение итоговой рождаемости до 1,8, мы предположили 10-процентный рост коэффициентов рождаемости в возрастах старше 30 лет по сравнению с теми значениями, которые мы наблюдали в 2012 г. (таблица 5). Как нам представляется сегодня, это весьма оптимистичный сценарий. Если чуть умерить степень оптимизма и понадеяться, что хотя бы удастся избежать компенсационного отката в интенсивности деторождения у данных

⁶ См.: [Исупова 2013], а также выступление министра труда М.Топилина на расширенной коллегии Минтруда РФ, 28 марта 2014 г. <http://www.rosmintrud.ru/social/social/204/>.

⁷ Согласно неопубликованным расчетам А.В.Белянина, М.И.Дмитриева и А.Л.Лукьяновой, выполненным на панельных данных РМЭЗ, удвоение семейного дохода повышает вероятность рождения при различных спецификациях модели менее чем на 0,2%. Еще меньше квадратичный эффект, говорящий о замедлении роли дохода по мере его роста. Различные субсидии, в том числе и такие специфические, как материнский капитал (отложенный бонус), влияют на рождаемость таким же образом.

поколений в старших возрастах (старше 30 лет), то приходим к более надежной оценке ожидаемой величины ПКСР для поколений 1985-1989 годов рождения на уровне 1,7 рождения, что будет означать некоторое позитивное изменение (+0,1 рождения на одну женщину) по сравнению с поколениями 1970-х годов и одновременно может расцениваться как ожидаемый демографический эффект от предпринятых государством мер по повышению рождаемости. Заметим, что в таких же пределах оценивается эффект от активизации семейной политики в 1980-х годах [Avdeev, Monnier 1995; Захаров 2006b]. Повышая долю оптимизма в отношении тренда на ближайшие десять лет, мы будем приближаться к оценке позитивного влияния политики до уровня 0,2 рождения на одну женщину.

Политические и социально-экономические условия, сложившиеся в России в 1990-х и в первой половине 2000-х годов, были трудными для всего населения, что не могло не сказаться на рождаемости. В дополнение к этому политика поддержки семьи в нелегких условиях бюджетных ограничений того времени также ослабла по сравнению с относительно более щедрой политикой 1980-х годов.

Российская политика в области семьи и рождаемости вновь активизировалась на фоне общего экономического роста во второй половине 2000-х годов, приняв ярко выраженные пронаталистские черты. Однако, ориентируясь на достижение количественных демографических целей, она по традиции основывается главным образом на материально-финансовых рычагах. Необоснованно меньше внимания уделяется улучшению общих социальных, экономических и политико-правовых условий для молодых людей как еще не задумывающихся о формировании собственной семьи, так и тех, кто приступает к реализации своих брачно-партнерских и репродуктивных стратегий: доступности образования, профессиональной занятости, жилищных условий, услуг по планированию семьи, медицинского обслуживания и др. Практически полностью игнорируется создание необходимых условий для решения проблем с гендерным неравенством в доме, на работе и во всех социальных институтах. В связи с этим остается открытым вопрос, в какой мере предпринимаемые в современных условиях усилия правительства и других вовлеченных социальных институтов окажутся достаточно эффективными, чтобы ответить на социальные и экономические вызовы деторождению в быстро меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А. (2011). На пути к однодетной семье: прошла ли Россия точку невозврата? Размышления о снижении рождаемости в 1990-е гг. //Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы / Под ред. И.А. Троицкой и А.А. Авдеева. М.: ТЕИС, 2011: 87-122. (Пер. с англ.: Avdeev, A. (2003). "On the way to one-child family: are we beyond the point of no return?" In Irena E. Kotowska and Janina Jozwiak (eds.) Population of central and Eastern Europe: challenges and opportunities. Warsaw: Statistical Publishing Establishment: 139-163).

- Борисов В.А., А.Б. Синельников (1996) Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ Семьи Минсоцзащиты.
- Росстат (2013). Демографический ежегодник России 2013. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Захаров С.В. (2006а). Возрастная модель брака в России // *Отечественные записки*. 31(4): 271-300.
- Захаров С.В. (2006б). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // *SPEPO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры*. №5: 33-69. http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf .
- Захаров С.В. (2013). Стимулирующие меры демографической политики не усилили желания россиян иметь больше детей // *Население России 2010-2011* /Под. ред. А.Г. Вишневого. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013: 309-317.
- Захаров С.В., В.И. Сакевич (2007). Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1.* /Научн. ред.: Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП: 127-170.
- Захаров С.В., А.Г. Вишневский, В.И. Сакевич (2006). Часть 3. Модернизация рождаемости // *Демографическая модернизация России, 1900-2000.* /Под. ред. А.Г.Вишневого. М.: Новое издательство: 149-254.
- Исупова О.Г. (2013) Рождаемость и семейная политика // *Население России 2010-2011* /Под. ред. А.Г. Вишневого. М.: Издательский дом ВШЭ: 358-384.
- Митрофанова Е.С. (2011). Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // *Экономический журнал ВШЭ*. 2011. 15(4): 519–542 <http://www.hse.ru/mag/economics/2011-15-4/49834635.html>
- Троицкая И., Г. Андерссон. Переход к современной контрацепции в России: результаты обследований «Репродуктивное здоровье женщин» 1996 и 1999 гг. // *Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы* / Под ред. И.А. Троицкой и А.А. Авдеева. М.: ТЕИС, 2011: 87-122. (Пер. с англ.: Troitskaya I., Andersson G. (2007). “Transition to modern contraception in Russia: evidence from the 1996 and 1999 Women’s Reproductive Health Surveys”. MPIDR Working Papers. WP-2007-010. – 18p.)
- Avdeev A., A. Monnier (1995). A survey of modern Russian fertility // *Population. An English Selection*. 1995. 7: 1-38 (Оригинальная версия была опубликована на французском языке, см.: *Population*. 1994. 4-5).
- Barkalov N. B. (1997). “Expected fertility as it appears from the 1994 Microcensus.” // *Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. Сборник докладов.* / Ред кол.: Н.В.Зверева, А.А.Саградов, М.Б.Денисенко и др. М.: Диалог – МГУ: 118-137.
- Barkalov N. B. (1999). “The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios” // *Genius*. 55 (3-4): 11-60.
- Barkalov N. B. (2005). “Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. // *Population and Development Review*. 31(3): 545-556
- Document (1983). “On Soviet Population Issues (Interview with Timofey Ryabushkin).” // *Population and Development Review*. 9(3): 569-572.

- Frejka T. (2011). "The role of contemporary childbearing postponement and recuperation in shaping period fertility trends." *Comparative Population Studies – Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft* (actual date of publication October 2012).
- Frejka T., S. Zakharov (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century //MPIDR Working Paper, WP 2012-027. – 27p.
- Frejka T., Zakharov S. (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy // *Population and Development Review*. 39(4): 635-647.
- Gauthier A. H. (2007). "The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature." // *Population Research and Policy Review*. 26: 323-346.
- Hoem J. M. (2008). "The impact of public policies on European fertility." In: Frejka T., J. Hoem, T. Sobotka and L. Toulemon (eds.), *Childbearing Trends and Policies in Europe*, Max Planck Institute for Demographic Research, (<http://www.demographic-research.org/special/7>): 249-259.
- Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). Available at www.humanfertility.org.
- Kohler H.-P., F. B. Billari, J. A. Ortega (2002). "The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s." // *Population and Development Review*. 28(4): 641-680.
- Kohler H.-P., F. B. Billari, J. A. Ortega (2006) "Low Fertility in Europe: Causes, Implications and Policy Options". In. F. R. Harris (Ed.), *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers: 48-109.
<http://csyue.nccu.edu.tw/ch/Low%20fertility%20in%20Europe%28NN%29.pdf>
- Krieger H. (2005). "Demographic changes in Europe: Implications for family policy." Paper presented to the Committee of Experts on Children and Families Council of Europe, Strasbourg, 24-25 May 2005. – 32p.
- McDonald P. (2002). "Sustaining fertility through public policy: The range of options" // *Population* (English version) 57(3): 417-446.
- Neyer G. (2003). "Family Policies and Low Fertility in Western Europe" // *Journal of Population and Social Security: Population Study*, Supplement to Vol.1 (June 2003): 46-93.
http://www.ipss.go.jp/webj-ad/Webjournal.files/population/ps03_06.asp
- Neyer G. (2005). "Family policies in Western Europe: Fertility policies at the intersection of gender, employment and care policies" // *Österreichische Zeitschrift für Politik Wissenschaft*. 34: 91-102.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999a). "The Fertility Transition in Russia: Women Born Between 1900 and 1960." Working Paper 99-1, Population Research Centre, University of Groningen, Netherlands.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999b). "Fertility Change in Russia Since 1930: Data and Estimates." Working Paper 99-2, Population Research Centre, University of Groningen, Netherlands.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999c). "Marital and fertility careers of Russian women born between 1910 and 1934" // *Population and Development Review*. 25(1): 129-143.
- Sleebos J. E. (2003). "Low fertility rates in OECD countries: facts and policy responses." OECD Social, Employment And Migration Working Papers No. 15.

- Sobotka T., K. Zeman, R. Lesthaeghe and T. Frejka (2011). "Postponement and recuperation in cohort fertility: New analytical and projection methods and their application." // *European Demographic Research Papers 2*. Vienna: Vienna Institute of Demography.
- Sobotka T., H.-P. Kohler and F. Billari (2007). "The increase in late childbearing in Europe, Japan, and the United States." Paper presented at the 2007 Annual Meeting, Population Association of America, 29 March 2007.
- Zakharov S. (1997). Fertility Trends in Russia and the European New Independent States: Crisis or Turning Point? // United Nations. Population Division. Expert Group Meeting on Below-Replacement Fertility. New York, 4-6 November 1997. ESA/P/WP.140: 271-290.
- Zakharov S. (2000). Fertility Trends in Russia and the European Newly Independent States: Crisis or Turning Point? // *Population Bulletin of the United Nations*. Below Replacement Fertility. Special Issue Nos. 40/41. 1999. UN. N.Y., 2000. (ST/ESA/Ser.N/40-41): 292-317.
- Zakharov S. (2008). "Russian Federation: From the first to the second demographic transition." In: Frejka, T., J. Hoem, T. Sobotka and L. Toulemon (eds.), *Childbearing Trends and Policies in Europe*, Max Planck Institute for Demographic Research, (<http://www.demographic-research.org/special/7>): 907-972.

FERTILITY TRENDS IN RUSSIA DURING THE PAST HALF CENTURY: PERIOD AND COHORT PERSPECTIVES *

TOMAS FREJKA, SERGEI ZAKHAROV

TOMAS FREJKA. INDEPENDENT CONSULTANT, USA.

SERGEI ZAKHAROV. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY «HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS», RUSSIA. E-MAIL: szakharov@hse.ru. Date received: february 2014

The present stage of fertility change in Russia is characterized by the transformation of the traditional childbearing patterns of relatively early family formation to later family formation. This paper focuses on the process of delaying childbearing at a young age with the subsequent realization of deferred births at older ages among generations of Russians born after 1960. This article uses the new methodological approaches for analyzing demographic changes in the fertility level and age profile of childbearing by birth order, measured by period and cohort fertility indicators. The focus is on identifying shifts in cohort fertility rates, which, unlike conventional period indicators reflect the most fundamental changes in reproductive behavior.

Significant changes in the demographic behavior of Russians were intrinsically interwoven with fundamental changes in all aspects of life of young people, for whom the individual space for decisions in all spheres of life was immeasurably expanded since the end of the 1980s. The last three decades were also marked by concern with low fertility and attempts to increase fertility in the early 1980s and the late 2000s. The family policies of the 1980s failed to raise fertility. The surge in fertility for several calendar years as showed by period synthetic fertility measures, e.g. conventional period total fertility rate (PTFR) was not followed by the increase in ultimate fertility for generations of women measured by cohort cumulative and cohort total fertility rate (CTFR). Preliminary analyses indicate that the fate of the 2007 policies could be similar. Will government efforts to raise fertility during the 2010s be sufficiently effective to offset economic and social forces challenging childbearing? As of 2014 the outlook for a future fertility increase does not appear hopeful.

Key words: *Fertility, period and cohort indicators, age- and birth order specific fertility rates, cumulative and total fertility, age fertility pattern, delaying childbearing, family policy, pronatalist policy.*

* THE STUDY WAS IMPLEMENTED IN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2013-2014.

REFERENCES

- Avdeev A. (2003). On the way to one-child family: are we beyond the point of no return? In Irena E. Kotowska and Janina Jozwiak (eds.) Population of central and Eastern Europe: challenges and opportunities. Warsaw: Statistical Publishing Establishment: 139-163.
- Borisov V.A., A.B. Sinelnikov (1996). Brachnost i rozhdzaamost v Rossii: demographicheskii analiz. [Nuptiality and fertility in Russia: a demographic analysis]. Moskva: NII Sem'i
- Rosstat (2013). Demographicheskii ezhegodnik 2013 [Demographic Yearbook 2013], M.: Rosstat .
- Zakharov S.V. (2006a). Vozrastnaya model braka v Rossii [Age patterns of marriage in Russia] // Otechestvennye Zapiski]. 31(4): 271-300.

- Zakharov S.V. (2006b). Demographicheskii analiz effekta mer semeinoi politiki v Rossii v 1980-kh godakh [Demographic Analysis of the Effect of Family Policy Measures in Russia in the 1980s.] // SPERO. Socialnaya politika, ekspertiza, rekomendacii, obzory [SPERO. Social policy: expertise, recommendations, reviews]. №5: 33-69. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf.
- Zakharov S.V., A.G. Vishnevsky, V.I. Sakevich (2006). [Part 3. Modernization of fertility] // Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900-2000. [Demographic modernization of Russia]. Vishnevsky A.G., ed. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Zakharov S.V. (2013). Stimuliruucshie mery demographicheskoi politiki ne usilili zhelania rossiyan imet bolshe detei [Stimulating measures of the demographic policy failed to increase the willingness of Russians to have more children] // Naselenie Rossii 2010-2011. [Population of Russia 2010-2011.] Vishnevsky A.G., ed. Moscow: HSE Publishing House.
- Zakharov S.V., V.I. Sakevich (2007). Osobemnosti planirovaniia sem'i i rozhdaemosti: kontraciptivnaya revoliutsiia – svershivshiisya fakt? [Family planning trends and fertility in Russia: is the contraceptive revolution an accomplished fact?] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem'e i obshestve. Po materialam odnogo issledovaniia. Sbornik statei. Vypusk 1. [Generations and Gender Study] Maleva T.M., Sinayvskaya O.V., eds. Moscow: NISP: 127-170.
- Zakharov S.V., A.G. Vishnevsky, V.I. Sakevich (2006). Chast' 3. Modernizatsiia rozhdaemosti [Part 3. Modernization of fertility] // Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900-2000. [Demographic modernization of Russia]. Vishnevsky A.G., ed. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Isupova O.G. (2013). Rozhdaemost' i semeinaya politikia [Fertility and family policy] // Naselenie Rossii 2010-2011. [Population of Russia 2010-2011.] Vishnevsky A.G., ed. Moscow: HSE Publishing House.
- Mitrofanova E.S. (2011). Demographicheskoe povedenie pokolenii rossiiian v sferе sem'i i rozhdaemosti [Demographic behavior of Russians in the areas of family and fertility] // Ekonomicheskii zhurnal VCHE [HSE Economic Journal] 2011. 15(4): 519–542/ URL: <http://www.hse.ru/mag/economics/2011-15-4/49834635.html>
- Avdeev A., Monnier A. (1995). A survey of modern Russian fertility // *Population. An English Selection*. 1995. 7: 1-38 (Original version published in French in *Population*. 1994. 4-5).
- Barkalov N. B. (1997). “Expected fertility as it appears from the 1994 Microcensus.” // *Narodonaselenie: sovremennoe sostoyanie i perpektivy razvitiia nauchnogo znaniia. Sbornik dokladov*. [Population; current state and future trends in population studies] / Zvereva N.V. et al. Moscow: Dialog– MGU: 118-137.
- Barkalov N. B. (1999). “The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios” // *Genius*. 55 (3-4): 11-60.
- Barkalov N. B. (2005). “Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. // *Population and Development Review*. 31(3): 545-556
- Document (1983). “On Soviet Population Issues (Interview with Timofey Ryabushkin).” // *Population and Development Review*. 9(3): 569-572.
- Frejka T. (2011). “The role of contemporary childbearing postponement and recuperation in shaping period fertility trends.” *Comparative Population Studies – Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft* (actual date of publication October 2012).
- Frejka T., S. Zakharov (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century // MPIDR Working Paper, WP 2012-027. – 27p.

- Frejka T., S. Zakharov (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy // *Population and Development Review*. 39(4): 635-647.
- Gauthier A. H. (2007). "The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature." // *Population Research and Policy Review*. 26: 323-346.
- Hoem J. M. (2008). "The impact of public policies on European fertility." In: Frejka, T., J. Hoem, T. Sobotka and L. Toulemon (eds.), *Childbearing Trends and Policies in Europe*, Max Planck Institute for Demographic Research, (<http://www.demographic-research.org/special/7>): 249-259.
- Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). Available at www.humanfertility.org.
- Kohler H.-P., F. B. Billari, J. A. Ortega (2002). "The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s." // *Population and Development Review*. 28(4): 641-680.
- Kohler, H.-P., F. B. Billari, J. A. Ortega (2006) "Low Fertility in Europe: Causes, Implications and Policy Options". In. F. R. Harris (Ed.), *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers: 48-109.
<http://csyue.nccu.edu.tw/ch/Low%20fertility%20in%20Europe%28NN%29.pdf>
- Krieger H. (2005). "Demographic changes in Europe: Implications for family policy." Paper presented to the Committee of Experts on Children and Families Council of Europe, Strasbourg, 24-25 May 2005. – 32p.
- McDonald P. (2002). "Sustaining fertility through public policy: The range of options" // *Population* (English version) 57(3): 417-446.
- Neyer G. (2003). "Family Policies and Low Fertility in Western Europe" // *Journal of Population and Social Security: Population Study*, Supplement to Vol.1 (June 2003): 46-93.
http://www.ipss.go.jp/webj-ad/Webjournal.files/population/ps03_06.asp
- Neyer G. (2005). "Family policies in Western Europe: Fertility policies at the intersection of gender, employment and care policies" // *Österreichische Zeitschrift für Politik Wissenschaft*. 34: 91-102.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999a). "The Fertility Transition in Russia: Women Born Between 1900 and 1960." Working Paper 99-1, Population Research Centre, University of Groningen, Netherlands.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999b). "Fertility Change in Russia Since 1930: Data and Estimates." Working Paper 99-2, Population Research Centre, University of Groningen, Netherlands.
- Scherbov S., H. van Vianen (1999c). "Marital and fertility careers of Russian women born between 1910 and 1934" // *Population and Development Review*. 25(1): 129-143.
- Sleeboos J. E. (2003). "Low fertility rates in OECD countries: facts and policy responses." OECD Social, Employment And Migration Working Papers No. 15.
- Sobotka T., K. Zeman, R. Lesthaeghe and T. Frejka. (2011). "Postponement and recuperation in cohort fertility: New analytical and projection methods and their application." // *European Demographic Research Papers* 2. Vienna: Vienna Institute of Demography.
- Sobotka T., H.-P. Kohler and F. Billari. (2007). "The increase in late childbearing in Europe, Japan, and the United States." Paper presented at the 2007 Annual Meeting, Population Association of America, 29 March 2007.

- Troitskaya I., G. Andersson (2007). "Transition to modern contraception in Russia: evidence from the 1996 and 1999 Women's Reproductive Health Surveys". MPIDR Working Papers. WP-2007-010. – 18p.)
- Zakharov S. (1997). Fertility Trends in Russia and the European New Independent States: Crisis or Turning Point? //United Nations. Population Division. Expert Group Meeting on Below- Replacement Fertility. New York, 4-6 November 1997. ESA/P/WP.140: 271-290.
- Zakharov S. (2000). Fertility Trends in Russia and the European Newly Independent States: Crisis or Turning Point? // *Population Bulletin of the United Nations*. Below Replacement Fertility. Special Issue Nos. 40/41. 1999. UN. N.Y., 2000. (ST/ESA/Ser.N/40-41): 292-317.
- Zakharov S. (2008). "Russian Federation: From the first to the second demographic transition." In: Frejka, T., J. Hoem, T. Sobotka and L. Toulemon (eds.), *Childbearing Trends and Policies in Europe*, Max Planck Institute for Demographic Research, (<http://www.demographic-research.org/special/7>): 907-972.